

Автобиография
ЙОГА

Paramahansa Yogananda

Парамаханса Йогананда

«Автобиография Йога» – единственное в своём роде детальное описание духовного и жизненного пути одного из крупнейших Учителей йоги. Впервые увидевшая свет в 1946 г., книга Парамахансы Йогананды не только вошла в анналы классики йоги, но и стала уникальным по своей доступности и увлекательности введением в эту древнюю науку.

«Как рассказ очевидца необычайной жизни и глубочайшей мудрости эта книга имеет непреходящее значение как в наше время, так и в будущем».

В.И.Эванс-Вентц

«Как яркий свет в ночи светит, так и Йогананда осветил собой этот мир. Явление столь великой души на Землю крайне редко и происходит лишь тогда, когда у людей возникает в этом реальная потребность».

Его святейшество Шанкарачарья Канчипурам

«Редчайшая драгоценность, достойная уважения благодаря своему величию, значимость которой мир еще должен разглядеть. Парамахамса Йогананда – идеальный представитель славы древней Индии, заключающейся в ее мудрецах и провидцах»

Свами Шивананда

«Выражаю глубокую признательность за то, что вы передали мне внутреннюю благодать обаятельного очарования этого мира».

Томас Манн

Парамаханса Йогананда АВТОБИОГРАФИЯ ЙОГА

Посвящается памяти Лютера Барбанка, американского святого.

Благодарность

Выражаю свою глубокую признательность мисс Л.В. Пратт (госпожа Тара Мата) за большую работу, проделанную ею при редактировании рукописи данной книги. Моя благодарность адресована также мисс Рут Зан за подготовку индекса книги, мистеру Ричарду Райту за разрешение использовать выдержки из его индийского путевого дневника, а также доктору В.И.Эвансу-Вентцу не только за предисловие, но и за сделанные им замечания и поддержку.

*Парамаханса Йогананда.
28 Октября, 1945 г.
Энсинитас, Калифорния*

«Автобиография» Йогананды – это одна из немногих книг об индийских мудрецах, которая написана не журналистом или иностранцем, а человеком их собственной расы и подготовки; эта книга о йогинах, написанная йогиним. Как повествование о необычной жизни и силах современных индийских святых, книга Йогананды важна и для сегодняшнего дня, и для будущего. Талантливый автор, несомненно, заслуживает уважения и благодарности за необычную летопись своей жизни, одним из самых откровенных документов, когда-либо появившихся на Западе. Она раскрывает глубочайшие недра ума и сердца индийского народа и духовные богатства Индии.

Мне посчастливилось встретиться с одним из мудрецов, история жизни которого изложена в «Автобиографии», а именно, со Шри Юктешваром Гири. Я встретил его в городе Пури (штат Орисса), на берегу Бенгальского залива. В то время он возглавил там тихий ашрам, находившийся неподалеку от побережья, и был занят духовным воспитанием группы молодых учеников. Он проявил большой интерес к благоденствию народов обеих Америк и Англии, расспрашивал меня о деятельности его любимого ученика Парамахансы Йогананды, которого он послал в 1920 году на Запад в качестве своего эмиссара.

Шри Юктешвар обладал приветливым выражением лица, мягким голосом и приятными манерами; он был вполне достоин того почтения, которое его последователи произвольно ему выражали; каждый, кто был с ним знаком, независимо от факта принадлежности его к общине, относился к нему с величайшим уважением. Я живо помню эту высокую аскетическую фигуру, прямую и облаченную в одеяние шафранового цвета, – символ отречения от мирских целей, – когда он приветствовал меня, стоя у входа в ашрам. У него были длинные, немного вьющиеся волосы и борода. Его тело отличалось крепостью мышц, но было тонким и хорошо сформированным; походка была энергичной. Он избрал местом своего земного пребывания святой город Пури. Целые толпы благочестивых индийских паломников, представлявших все провинции страны, ежедневно совершают туда паломничество к известному храму «Владыка Мира». Именно в Пури Шри Юктешвар смежил в 1936 году свои смертные очи, оставив преходящее состояние земного бытия; он ушел, зная, что его воплощение пришло к своему триумфальному завершению.

Я весьма рад возможности засвидетельствовать здесь возвышенный характер и святость Шри Юктешвара; довольствуясь удалением от людской толпы, он в полном спокойствии целиком отдался той идеальной жизни, которую его ученик Парамаханса Йогананда описал для будущих поколений.

В.И.Эванс-Вентц,
магистр искусств, доктор литературы и наук

*Иисусова колледжа в Оксфорде,
автор книг: "Тибетская книга мертвых",
«Тибетская йога и тайные учения»,
«Великий тибетский йогин Миларепа».*

Заметка американских издателей к лондонской публикации

Мир, опечалинный 7-го марта 1952г. уходом П.Йогананды, короткое время спустя был утешен поразительными новостями. Великий Учитель неразлагаемостью своего тела продемонстрировал власть йога над Смертью – «последним врагом».

Йогананда основал два общества, несектанского и неприбыльного характера – товарищество Самопознания, с международной штаб-квартирой в Америке и Общество Йога Сат-Санга в Индии. Он часто заявлял, что, благодаря работе этих двух организаций, освобождающая весть крийя-йоги разнесется во все части света.

Иисус Христос, Бабаджи, Лахири Махасайя и Шри Юктешвар благословили этот труд, – заявил Йогананда, – и дали заверение, что он будет жить и расти. Необходимость знать и применять существующие научные методы конкретно для своих экспериментов в Богопознании – это настоящая человеческая потребность среди тревог атомного века.

Миссию великого учителя продолжают ученики, которых он много лет обучал для этой цели.

Йогананда написал о Лахири Махасайя замечательные слова: «Сперва я горевал, что он более не жив физически. Когда же я начал открывать его тайную вездесущность, я более не печалился. Он часто писал тем из своих учеников, которым слишком хотелось увидеть его:» Зачем приходится посетить мои кости и мясо, если я всегда нахожусь в сфере вашего духовного зрения?"

Товарищество Самопознания 1.09.55г.

Глава 1

Родители и ранние годы жизни

Испокон веков характерными чертами индийской культуры были поиски конечных истин и сопутствующие этому взаимоотношения между учеником и гуру^[1].

Мой собственный путь привел меня к Христоподобному святому, чья жизнь является памятником на века. Он был одним из великих учителей, составляющих истинное богатство Индии. Являясь в каждом поколении, они служили своей стране надежной защитой от участи Вавилона и Египта.

Я вижу, как мои самые ранние воспоминания охватывают анахроничные черты предшествующего воплощения. Ясные картины воспоминаний приходили ко мне из далекой жизни, когда я был йогом^[2] в Гималайских снегах. Эти проблески прошлого, благодаря не имеющей измерения связи, давали мне возможность видеть и будущее.

Из памяти не исчезла унижительная беспомощность детства. Я с обидой осознавал неспособность ходить и свободно проявлять себя. От понимания телесной немощи волны мольбы поднимались во мне. Моя высокоэмоциональная жизнь мысленно выражалась в словах множества различных языков. Среди такого внутреннего замешательства ухо постепенно привыкло к окружающим звукам бенгальского языка моего народа. Сфера подвижного разума ребенка, искренне считающего себя ограниченным игрушками и пальцами стоп!

Психическое брожение и беспомощность тела провоцировали приступы крика. Своим горем я вызывал общее замешательство членов семьи. Но во мне теснятся и более счастливые воспоминания: ласки матери и первые попытки проковылять или пролепетать фразу. Эти триумфы, обычно скоро забываемые, тем не менее являются естественной опорой уверенности в себе.

Моя память о предыдущих жизнях не есть что-то уникальное в этом мире. Известно, что самосознание многих йогов не прерывается драматическими переходами от «жизни» к «смерти» и обратно. Если человек – это только тело, тогда смерть тела означает абсолютный конец его существования. Однако если пророки тысячелетия назад говорили истину, то человек по существу – это бестелесная и вездесущая душа.

Хотя это и необычно, но ясные воспоминания детства не являются столь редкими. Путешествуя по разным странам, я слышал об очень ранних глубоких воспоминаниях от многих мужчин и женщин.

Я родился в четверг, 5 января 1893 года в Горакхпуре, расположенном в северо-восточной Индии близ Гималайских гор. Здесь прошли мои первые восемь лет. Нас было восемь детей: четыре мальчика и четыре девочки. Я, Мукунда Лал Гхош^[3], был вторым сыном и четвертым ребенком.

И отец и мать были бенгальцы, одаренные свыше, оба происходили из касты кшатриев^[4]. Их взаимная любовь, спокойная и достойная, никогда не выражалась фривольно. Совершенная гармония, существовавшая между родителями, являлась центром покоя для периодически возникающей суматохи восьми юных жизней.

Мой отец

Бхагабати Чаран Гхош.

Ученик Лахири Махасайя

Отец, Бхагабати Чаран Гхош, был добр, серьезен, временами суров. Горячо любя его, мы, дети, тем не менее сохраняли почтительное расстояние. Сильный математик и логик, он руководствовался в основном интеллектом. А вот мать была царицей сердец и учила нас только любовью. После ее смерти отец стал проявлять больше внутренней нежности. Я замечал тогда, что взгляд его часто, казалось, преобразовывался во взгляд матери.

От матери мы, дети, вкусили раннее горько-сладкое знакомство со священными писаниями. Она умело подбирала самые разные эпизоды из Махабхараты и Рамаяны^[5], соответствующие всем случаям воспитания. Наказания наши сопровождались поучениями из древнего эпоса.

Повседневным проявлением уважения к отцу со стороны матери был обычай тщательно одевать нас после полудня, чтобы мы приветствовали его по возвращении со службы. Он занимал довольно высокое положение, нечто вроде вице-президента одной из крупнейших железнодорожных компаний Индии – Бенгал-Нагпур Рэйлуэй. Работа его была связана с переездами, и наша семья в период моего детства жила в нескольких городах.

Мать всегда была готова помочь нуждающимся. Отец тоже был склонен к доброте, но его уважение к правилам и порядку соотносилось с семейным бюджетом. Однажды за две недели мать истратила на еду для бедных больше, чем составлял месячный доход отца.

– Все, чего я прошу, – это то, чтобы ты проявляла благотворительность в разумных пределах.

Даже этот мягкий упрек от мужа был горек для нее. Ни одним словом не намекнув детям о размолвке, она спокойно вызвала экипаж.

– До свидания, я ухожу к маме. – Древний ультиматум!

Мы разразились воплями. Тут вовремя явился дядя матери, он шепнул отцу какой-то

мудрый совет, припасенный, несомненно, с древних времен, после чего отец сказал несколько примирительных слов, и мать, к нашей радости, отпустила извозчика. Так закончилась единственная размолвка между моими родителями. Но я припоминаю и один типичный диалог.

– Дай мне, пожалуйста, десять рупий для только что пришедшей несчастной, – убедительным тоном попросила мать, улыбаясь.

– Почему десять? Одной достаточно. – В оправдание отец добавил: – Когда мой отец, дедушка и бабушка внезапно умерли, я впервые вкусил бедность. Единственное, что у меня было на завтрак перед тем как отправиться за несколько миль в школу, – это один маленький банан. Позже, в университете, я был в такой нужде, что обратился к богатому судье за помощью в одну рупию в месяц. Он отказал, заметив, что и одна рупия имеет значение.

– Как горько тебе вспоминать отказ в этой рупии! – Сердце матери отличалось мгновенной логикой. – Ты хочешь, чтобы и эта женщина тоже с горечью вспоминала отказ в десяти, которые ей крайне необходимы?

– Ты победила! – Незабываемым жестом побежденного он открыл бумажник. – Вот десять рупий. Передай их с добрыми пожеланиями от меня.

Отец имел склонность сначала на всякое новое предложение говорить «нет». Его отношение к незнакомой женщине, так быстро завоевавшей симпатию матери, было примером обычной осторожности. Антипатия к мгновенному одобрению – в действительности, лишь дань принципу «адекватного обдумывания». Я всегда находил, что отец был разумен и беспристрастно уравновешен в решениях. Если я мог подкрепить многочисленные просьбы одним-двумя аргументами, он всегда выполнял их – будь-то экскурсия во время каникул или новый мотоцикл.

Отец был строгим сторонником дисциплины для своих детей в их ранние годы, но его отношение к самому себе было поистине спартанским. Он, например, никогда не посещал театр, а искал отдыха в разных духовных занятиях и в чтении Бхагавадгиты^[6]. Избегая всякой роскоши, он носил одну пару башмаков, пока они не изнашивались окончательно. Его сыновья купили автомобили, когда они стали популярны, но отец для своей ежедневной поездки на службу вполне довольствовался трамваем.

Накапливание денег ради власти было чуждо его натуре. Однажды после организации им Калькуттского городского банка он отказался от своей доли акций, ибо он просто хотел выполнять в свободное время какой-то гражданский долг.

Несколько лет спустя после того, как отец ушел на пенсию, для проверки книг компании Бенгал-Нагпур Рэйлуэй из Англии прибыл бухгалтер. Изумленный ревизор обнаружил, что отец никогда не обращался за премиями. «Он работал за троих! – заявил бухгалтер. – Ему полагается выплатить сто двадцать пять тысяч рупий (сорок одна тысяча двести пятьдесят американских долларов) в компенсацию за не взятые им вовремя деньги».

Должностные лица преподнесли отцу чек на эту сумму. Он думал об этом так мало, что даже не упомянул об этом дома. Много позже младший брат Бишну, заметивший большой вклад на банковском счете, спросил отца о его происхождении.

– К чему окрыляться материальной выгодой? – сказал отец. – Тот, кто ищет уравновешенности, никогда не будет ликовать от прибыли или горевать из-за потери. Он знает, что человек приходит в этот мир без гроша и уходит, не имея ничего.

В начале своей совместной жизни мои родители стали учениками великого учителя Лахири Махасайя из Бенареса. Это общение укрепило от природы аскетический темперамент отца. Мать однажды сделала моей старшей сестре Роме удивительное признание: «Твой отец и я живем как муж с женой лишь раз в год, чтобы иметь детей».

Отец встретился с Лахири Махасайя благодаря Абинашу Бабу^[7], служащему филиала

компании Бенгал-Нагпур Рэйлуэй. В Горакхпуре Абинаш Бабу рассказывал мне захватывающие истории о многих индийских святых, неизменно завершаемые провозглашением высшей славы своему гуру.

Однажды летним днем, когда мы празднично сидели у нас во дворе, он спросил у меня, слышал ли я когда-нибудь о тех необычных обстоятельствах, в результате которых мой отец стал учеником Лахири Махасайя. В благоговейном ожидании я отрицательно покачал головой. Он начал рассказ:

"Несколько лет назад, еще до твоего рождения, я попросил своего начальника, твоего отца, дать мне недельный неоплачиваемый отпуск для того, чтобы я мог посетить гуру в Бенаресе. Твой отец поднял этот план на смех.

– Вы собираетесь стать религиозным фанатиком? – спросил он. – Если вы хотите идти вперед, сосредоточьтесь на своей службе.

В тот же день, уныло плетясь домой по лесной тропе, я встретился с твоим отцом, сидевшим в паланкине. Отпустив слуг и экипаж, он пошел рядом, стараясь утешить меня и раскрывая преимущества борьбы за мирской успех. Но я слушал его безучастно. Мое сердце повторяло: «Лахари Махасайя! Я не могу жить, не видя тебя!»

Тропинка привела нас на край спокойного поля, где лучи вечернего солнца уже увенчали светящейся короной высокую зыбь дикой травы. Восхищенные, мы молчали. Вдруг там, в поле, всего в нескольких метрах от нас возникла фигура великого гуру!^[8]

– Бхагабати, вы слишком суровы к вашему служащему! – раздался его голос, поражая слух. Он исчез столь же таинственно, как и появился.

– Лахари Махасайя! Лахари Махасайя! – восклицал я, упав на колени.

Несколько минут твой отец оставался неподвижным от изумления, а затем произнес:

– Абинаш, я не только даю вам отпуск, но и сам беру его, чтобы завтра отправиться в Бенарес. Я должен познакомиться с великим Лахари Махасайя, способным материализоваться по своей воле, чтобы вступить за вас! Я возьму жену и попрошу этого учителя вести нас по его духовному пути. Вы сопроводите нас к нему?

– Конечно!

От чудесного ответа на молитву и быстрого благоприятного оборота событий радость переполняла меня.

Вечером следующего дня твои родители и я сели на поезд. Приехав в Бенарес на следующий день, мы проехали некоторое время на телеге, запряженной лошадьми, а затем прошли узкими улочками к уединенному дому гуру. Войдя в маленькую гостиную, мы остановились перед учителем, сидевшем в обычной позе лотоса. Он сощурил пронизательные глаза и посмотрел на твоего отца:

– Бхагабати, вы слишком суровы к вашему служащему!

Это были те же слова, что он сказал два дня тому назад на сельском поле. Затем добавил:

– Я рад, что вы позволили Абинашу посетить меня и что вы с женой сопровождаете его.

К великой радости твоих родителей он посвятил их в духовную практику крия-йоги^[9]. С памятного дня того видения твой отец и я, как братья по ученичеству, стали близкими друзьями. Лахири Махасайя проявил определенный интерес к твоему рождению. Несомненно, твоя жизнь будет связана с ним. Благословение учителя не может не сбыться". – На этом Абинаш Бабу закончил рассказ.

Лахири Махасайя покинул этот мир вскоре после того, как в него явился я. Его портрет в изысканной рамке всегда украшал наш семейный алтарь в разных городах, куда отец переезжал по службе. Много раз утром и вечером мы с матерью медитировали перед импровизированной святыней, поднося цветы, смоченные в ароматной сандаловой пасте. Ладаном и миррой, а

также объединенными молитвами воздавали мы почести божеству, нашедшему полное выражение в Лахири Махасайя.

Его портрет имел исключительное влияние на мою жизнь. Я рос, и вместе со мной росли мысли об учителе. В медитациях я часто видел, как его фотографический образ выходит из маленькой рамки и, принимая живую форму, сидит передо мной; когда же я пытался коснуться стоп его светящегося тела, он менялся и вновь становился портретом. С моим переходом от детства к отрочеству Лахири Махасайя из маленького образа, заключенного в рамку, преобразился в живое присутствие святости. Я часто молился ему в минуты испытания или смущения, обнаруживая в себе его утешающее руководство.

Сначала я переживал, что он уже оставил физическую жизнь, однако когда стала открываться его тайная вездесущность, то переживания оставили меня. Тем из учеников, которым слишком хотелось увидеть его, он часто писал: «Зачем приходите и смотреть на мои кости и мясо, когда я всегда в сфере вашего кутастаха (духовного зрения)?»

Мне было около восьми лет, когда я был благословлен чудесным исцелением через фотографию Лахири Махасайя. Этот случай усилил мою любовь.

В нашем семейном имении Ичапур, в Бенгалии, я был поражен азиатской холерой. Состояние было безнадежным: врачи ничего не могли сделать. Мать, находившаяся у постели, постоянно заставляла меня смотреть на портрет Лахири Махасайя, висящий на стене над головой.

– Поклонись ему мысленно! – Она знала, что я был слишком слаб даже для того, чтобы поднять руки для приветствия. – Если ты действительно проявишь свое благоговение и внутренне преклонишься перед ним, твоя жизнь будет спасена!

Пристально глядя на его фотографию, я внезапно увидел ослепительный свет, обволакивающий тело и всю комнату. Тошнота и другие не поддающиеся контролю явления исчезли, мне стало хорошо. Тут же я почувствовал себя настолько сильным, что смог наклониться и коснуться стоп матери в благодарность за ее безмерную веру в гуру. Мать несколько раз прижалась головой к маленькому портрету:

– О вездесущий учитель, благодарю тебя, что твой свет исцелил сына!

Мне стало ясно, что она тоже видела свет, благодаря которому я тотчас выздоровел от смертельной болезни.

Эта фотография – одна из самых больших ценностей, которыми я владею. Подаренная моему отцу самим Лахири Махасайя, она содержит священную вибрацию. История происхождения этой фотографии не менее удивительна. Я слышал ее от ученика гуру, брата моего отца – Кали Кумар Роя.

Из нее следует, что учитель был против фотографирования. Несмотря на его протест, однажды снимок группы с его учениками и Кали Кумара Роя все же был сделан. Фотограф был поражен, обнаружив, что на пластинке, на которой были ясные изображения всех учеников, в центре, где он не без оснований ожидал найти контуры Лахири Махасайя, не было ничего, кроме пустоты. Этот феноменальный случай широко обсуждался.

Один из учеников, отличный фотограф Ганга Дхар Бабу, хвастался, что неуловимому образу учителя от него не убежать. На следующее утро, когда гуру сидел в позе лотоса на деревянной скамье у плетня, Ганга Дхар Бабу возился со своим оборудованием. Приняв все предосторожности для успеха, он отснял двенадцать фотопластинок. На каждой из них он нашел отпечаток деревянной скамьи и плетня, но тело учителя отсутствовало и здесь.

Со слезами на глазах и уязвленной гордости Ганга Дхар Бабу разыскал гуру. Прошло много часов, прежде чем Лахири Махасайя прервал свое молчание полным смысла замечанием:

– Я – Дух. Может ли твоя камера отразить Вездесущее Незримое?

– Вижу, что не может. Но, святой господин, я от всей души желаю иметь портрет вашего телесного храма. До сегодняшнего дня мое внимание было ограниченным, я не понимал, что вы полностью Живой Дух!

– Тогда приходи завтра утром. Я буду тебе позировать.

На следующий день фотограф вновь пустил в работу свою камеру. На сей раз святое изображение, более не сокрытое таинственной невосприимчивостью, отчетливо проступило на пластинке. Никогда более учитель не позировал для какого-либо другого портрета; по крайней мере, никакого иного портрета я не видел.

Репродукция фотографии демонстрируется в этой книге. Светлая кожа Лахири Махасайя, обычные для множества людей черты едва ли говорят о принадлежности к конкретной расе. Пылкая радость связи с Богом проявляется в несколько загадочной улыбке. Глаза полуоткрыты, чтобы показать условную направленность на преходящий внешний мир, и также полузакрыты, указывая на поглощенность внутренним блаженством. Предающий забвению бранные соблазны земли, он каждое мгновение был внимателен к духовным проблемам ищущих, обращавшимся к его щедротам.

Спустя короткое время после исцеления силой портрета гуру, у меня было впечатляющее духовное видение. Однажды утром, сидя на своей кровати, я вошел в глубокую концентрацию.

«Что скрывается за темнотой закрытых глаз?» – этот глубокий вопрос овладел разумом. Вдруг внутреннему взору явилась сильнейшая вспышка света. Божественные образы святых, сидящих в медитации в горных пещерах, образовали подобие миниатюрных кинокадров на большом сияющем экране внутри моего лба.

– Кто вы? – спросил я вслух.

– Мы – гималайские йоги. – Необычную реакцию трудно описать, сердце мое трепетало.

– О, я жажду отправиться в Гималаи и стать подобным вам!

Видение пропало, но серебристые лучи расходились в расширяющиеся до бесконечности круги.

– Что за чудесное зарево? – спросил я.

– Я – Ишвара^[10]. Я есть Свет. – Голос был подобен раскатам грома.

– Я хочу быть единым с Тобой!

Из этого медленно гаснущего божественного экстаза я вынес неизменно вдохновляющую идею – поиск Бога. «Он – вечная, вечно новая радость!» Это воспоминание надолго пережило день экстаза.

Возникает другое раннее воспоминание – в точности такое, каким оно было, ибо по сей день я ношу его след. Мы со старшей сестрой Умой ранним утром сидели под деревом ним на нашем участке в Горакхпуре. Она помогала изучать бенгальский букварь, а мое внимание в это время было увлечено попугаями, клюющими поблизости спелый плод маргоза.

У Умы на ноге был нарыв. Жалуясь на него она достала баночку с лечебной мазью. Я тоже немного намазал лечебным средством свое предплечье.

– Зачем ты мажешь лекарство на здоровую руку?

– Я проверяю мазь, ибо чувствую, что завтра у меня здесь будет нарыв.

– Ты – маленький лгунишка!

– Сестра, не называй меня этим словом, до того пока не увидишь, что случится завтра. – Возмущение овладело мной.

На Уму это не подействовало, и она трижды повторила свою насмешку. Непреклонная уверенность звучала в голосе, когда я медленно сказал:

– Силой своей воли я заявляю, что завтра у меня на руке точно в этом месте будет большой нарыв, а твой вздуется вдвое больше теперешнего.

Утро застало меня со здоровенным нарывом на указанном месте, размеры нарыва Умы удвоились. Пронзительно крича, сестра бросилась к матери:

– Мукунда стал колдуном!

Мать сказала мне, что я никогда более не должен пользоваться силой слов для причины вреда. Я всегда помню ее совет и следую ему.

Мой нарыв был вылечен оперативным путем. От надреза доктора остался заметный шрам. На правом предплечье я по сей день ношу постоянное напоминание о силе чисто слова человека.

Те простые и, казалось бы, безобидные слова, обращенные к Уме, сказанные с глубокой внутренней концентрацией, обладали скрытой силой, достаточной, чтобы, подобно бомбе, взорваться и произвести определенный, хотя и вредный, эффект. Позже я понял, что взрывная вибрация слов может быть мудро направлена на освобождение жизни от трудностей и действовать без шрамов или упреков^[11].

Наша семья перебралась в город Лахор, расположенный в штате Пенджаб. Там я приобрел портрет богини Кали^[12], олицетворяющей Божественную Мать. Он освящал маленькую неофициальную святыню на балконе дома. Ко мне пришла уверенность, что любая из просьб, произнесенных мною в этом месте, увенчается успехом. Однажды, стоя здесь с Умой, я следил за двумя мальчиками, запускающими воздушных змеев над крышами двух зданий, отделенных от нашего дома очень узким переулком.

– Отчего у тебя такой умиротворенный вид? – Ума игриво толкнула меня.

– Просто я думаю, как чудесно, что божественная Мать дает мне все, чего бы я ни попросил.

– Я думаю, что Она даст тебе тех двух змеев! – иронизируя, сказала сестра.

– А почему бы и нет? – Я начал тихо молиться об этом.

В Индии разыгрывают соревнования со змеями, нитки которых покрыты клеем с толченым стеклом. Каждый игрок своей ниткой старается перерезать нитку соперника. Сорвавшийся змей несется над крышами, поймать его – большая забава. Поскольку Ума и я были на балконе, казалось невероятным, что какой-нибудь упущенный змей попадет нам в руки, ибо нитка, естественно, потянула бы его поверх крыши.

Игроки, стоящие поперек улочки, начали состязание. Одна из ниток была перерезана, и змей немедленно полетел в моем направлении. От внезапного ослабления ветерка на миг он остался недвижим. Этой паузы было достаточно для того, чтобы нитка зацепилась за кактус, растущий на кровле противоположного дома. Образовалась отличная длинная петля для того, чтобы схватиться за нее. Я вручил трофей Уме.

– Это просто необыкновенная случайность, а не ответ на твою молитву. Если и другой змей попадет к тебе в руки, тогда я поверю. – В темных глазах сестры отражалось большее изумление, чем в ее словах.

Я продолжал молиться с возрастающей интенсивностью. Сильный рывок второго игрока кончился внезапной потерей его змея. Он полетел ко мне, танцуя на ветру. Мой добрый помощник – кактус – опять свернул нитку змея в нужную петлю, благодаря которой его стало возможно поймать. Я преподнес Уме второй трофей.

– В самом деле, Божественная Мать тебя слушает! От всего этого мне жутко! – Сестра умчалась прочь, как испуганный олень.

[1]. Гуру – духовный учитель. В 17-й главе Гуругиты слово «гуру» трактуется как «рассеивающий мрак» (от гу – мрак, тьма и ру – тот, который разгоняет).

[2]. Йог – человек, занимающийся йогой – «единением», древней индийской наукой сосредоточения на Боге. См. главу 26 «Учение крия-йоги».

[3]. Имя мое изменилось на Йогананда в 1915г., когда я вступил в древнее монашеское братство – Орден Свами. В 1935 г. мой гуру даровал мне религиозный титул – Парамаханса. См. гл. 24 и 42.

[4]. Кшатрии, по индийской традиции, вторая каста – каста воинов и правителей.

[5]. Эти древние эпосы являются сокровищницами индийской истории, мифологии и философии.

[6]. Бхагавадгита – это величественная санскритская поэма, часть эпоса Махабхарата, является Библией Индии. Махатма Ганди писал: «Кто станет медитировать над Гитой, тот каждый день будет извлекать из нее свежую радость и новый смысл. Нет ни единой путаницы в духовных проблемах, которую Гита не могла бы распутать».

[7]. Бабу – господин. Помещается в конце бенгальских имен.

[8]. Феноменальные силы, которыми обладают великие учителя, разъясняются в главе «Закон чудес».

[9]. Крия-йога – йоговская техника, благодаря которой буйство чувств утихомиривается, что позволяет человеку достичь все возрастающего единства с космическим сознанием (см. главу 26).

[10]. Ишвара – имя Бога на санскрите в значении Правитель Вселенной, от корня иш – управлять. Индийские Писания упоминают тысячу имен Бога. Каждое содержит различный оттенок философского значения. Ишвара – это Тот, волей Которого создается и разрушается все сущее.

[11]. Бесконечные возможности звука берут начало в созидательном слове Аум, космической вибраторной энергии, превосходящей любые другие энергии. Любое ясно осознанное слово, произнесенное с глубокой концентрацией, обладает эффектом материализации. Повторение вдохновляющих слов вслух или про себя считается эффективным в некоторых системах психотерапии; секрет кроется в усилении вибрации психических волн.

[12]. Кали – символ Бога в аспекте вечной Матери Природы. Традиционно Ее изображают в виде женщины с четырьмя руками, стоящей на летящем Боге Шиве или Бесконечном, поскольку природа, или окружающий нас феноменальный мир, берет начало в Беспричинном Духе. Четыре руки символизируют обязательные атрибуты: две – творение благ, другие две – разрушение как неотъемлемые части дуализма – творение и разрушение.

Глава 2

Смерть матери и мистический амулет

Самым большим желанием матери была женитьба старшего брата. «Ах, когда я увижу лицо жены Ананты, для меня это будет раем на земле!» – Я часто слышал, как мать этими словами выражает сильное чувство семейной преемственности, характерное для Индии.

Во время помолвки Ананты мне было одиннадцать лет. Мать находилась в Калькутте, с радостью наблюдая за приготовлениями к свадьбе. Отец и я оставались в нашем доме в Барейли, в Северной Индии, куда отца перевели из Лахора через два года.

Прежде я был свидетелем пышных брачных церемоний двух старших сестер – Ромы и Умы, но для Ананты, как старшего сына, планы были разработаны с особой тщательностью. Мать то и дело радушно принимала многочисленных родственников, ежедневно прибывавших в Калькутту из дальних мест. Она размещала их с удобствами в большом недавно приобретенном доме по Амхерст стрит, 50. Все было готово: деликатесы для банкета, яркий трон, на котором брата должны были перенести к дому невесты, ряды красочных огней, картонные мамонты, слоны и верблюды, английский, шотландский и индийский оркестры, церемониймейстеры, жрецы для древних торжественных церемоний и ритуалов.

Отец и я, в праздничном настроении, предполагали присоединиться к семье во время церемоний. Однако незадолго до этого торжественного дня возникло видение, подвергшее меня в отчаяние.

Моя мать.

Ученица Лахири Махасайя

Это было в Барейли, в полночь. Я и отец спали на веранде нашего дома, когда меня разбудило странное трепетание сетки от москитов над постелью. Тонкие занавески

раздвинулись, и я увидел любимый образ матери.

«Разбуди отца! – голос ее был подобен шороху. – Садитесь на первый поезд в четыре часа утра. Если хотите меня увидеть, поторопитесь в Калькутту!» – Фигура двойника исчезла.

– Отец, отец! Мать умирает! – мой ужасающий крик мгновенно разбудил его. Я с рыданиями пробормотал роковые вести.

– Не обращай внимания на эти галлюцинации. – Отец проявил характерное для него отрицательное отношение к новой ситуации. – У твоей матери отличное здоровье. Если поступят какие-нибудь дурные вести, мы выедем завтра.

– Ты никогда не простишь себе того, что не отправился сейчас! – Страдание заставило меня горько добавить: – И я никогда не прощу!

Грустное утро принесло точное известие: «Мать опасно больна, свадьба откладывается, приезжайте немедленно».

Отец и я выехали сильно встревоженные. По пути на станции пересадки нас встретил один мой дядя. В нашу сторону с грохотом мчался поезд, увеличиваясь на глазах. От внутреннего смутения у меня возникло внезапное желание броситься на рельсы. Уже лишившись, как я чувствовал, матери, мне было безмерно трудно выносить сразу же опустевший мир. Я любил ее как самого дорогого друга на земле. Ее утешающие черные глаза были моим прибежищем в пустычных трагедиях детства. Я остановился, чтобы задать вопрос дяде:

– Она еще жива?

– Конечно, жива! – ответил он сразу, заметив на моем лице отчаяние.

Но я почти не поверил. Когда мы добрались до дома в Калькутте, нам лишь осталось предстать перед гнетущей тайной смерти. Я впал в почти безжизненное состояние. Прошли годы, прежде чем в мое сердце пришло какое-то примирение. Мои стоны, прорвавшись через самые врата небес, наконец вызвали отклик Божественной Матери. Ее слова окончательно исцелили кровоточащие раны: «Это Я храню тебя жизнь за жизнью в нежности многих матерей. Узнай в Моем взоре те черные глаза, те утраченные прекрасные глаза, что ты ищешь!»

Вскоре после кремации горячо любимой матери отец и я вернулись в Барейли. Каждый день рано утром я совершал трогательное паломничество к большому дереву *шеоли*, бросавшему тень на ровную лужайку перед нашим домом, покрытую зеленой и золотистой травой. В поэтические минуты я думал, что белые цветы *шеоли* с добровольным благоговением простираются над травяным алтарем. Слезы смешивались с росой, и при этом часто виделся странный свет иного мира, появляющегося с зарей. Меня охватывали острые приступы пылкого стремления к Богу. Я чувствую могучее влечение к Гималаям.

Один из моих двоюродных братьев сразу же после своего путешествия по святым горам навестил нас в Барейли. Я жадно внимал его рассказам о высокогорном жилище йогов и свами^[1].

– Давай сбежим в Гималаи.

Это предложение, сделанное мною однажды Дварке Прасаду, старшему сыну хозяина нашего дома в Барейли, впоследствии принесло одни неприятности. Он открыл этот план моему старшему брату, как раз приехавшему повидать отца. Вместо того, чтобы слегка подшутить над мечтой маленького мальчика, Ананта решил меня высмеять:

– Мукунда, где твое оранжевое одеяние? Без него ты не можешь быть свами!

Но меня при этих словах охватило необъяснимое возбуждение. Они вызвали ясную картину: я – монах, скитающийся по Индии. Возможно, эти слова пробудили воспоминания прошлой жизни; во всяком случае стало ясно, с какой естественной легкостью носил бы я наряд этого основанного в древности монашеского ордена. Однажды утром, болтая с Дваркой, я ощутил обрушившуюся как лавина любовь к Богу. Собеседник лишь отчасти заметил это по необычному

для меня красноречию, но я радостно внимал самому себе.

Днем я сбежал в Найнитал, расположенный у подножия Гималаев. Ананта решительно отправился в погоню. Меня заставили вернуться в Барейли. Единственно доступным осталось обычное паломничество на заре к дереву *шеоли*. Сердце оплакивало двух моих матерей: человеческую и божественную.

Трещина в семейном укладе, оставленная смертью матери, была невосполнима. В оставшиеся почти сорок лет жизни отец никогда более не женился. Приняв на себя трудную роль отца и матери для своих маленьких детей, он стал заметно нежнее и доступнее, спокойно и пронизательно решая разные семейные проблемы. После нескольких часов службы он удалялся в свою комнату, как отшельник в келью, занимаясь в сладкой безмятежности *крия-йогой*. Через продолжительное время после смерти матери я попытался нанять прислугу-англичанку, которая могла бы сделать жизнь отца более уютной. Но он покачал головой:

– Служение мое окончилось с уходом твоей матери. – Глаза его были исполнены вечной преданности. – Я не приму услуг какой-либо другой женщины.

Через четырнадцать месяцев после ухода матери я узнал, что она оставила мне важное послание. Ананта, находившийся у ее смертного одра, записал сказанное. Несмотря на то, что она просила открыть мне послание через год, брат с этим задержался. Скоро он должен был уехать из Барейли в Калькутту, чтобы жениться на девушке, выбранной для него матерью^[2]. Однажды вечером брат подозвал меня:

– Мукунда, я вынужден передать тебе необычные вести, – в тоне Ананты слышалось смирение. – Мои опасения усилились из-за твоего стремления покинуть дом. Но, во всяком случае, ты сердишься с божественным пылом. На днях, поймав тебя на пути к Гималаям, я пришел к выводу, что более не должен откладывать осуществление своего торжественного обещания. – Брат вручил мне маленький ящичек и послание матери.

"Дорогой сынок Мукунда, пусть эти слова будут последним благословением! – писала мать. – Настал час, когда я должна рассказать о многих необычных событиях, сопутствующих твоей жизни. Еще когда ты был грудным младенцем, я первой узнала предопределенный тебе путь. В этом возрасте я принесла тебя в дом моего учителя в Бенаресе. Почти полностью скрытая группой учеников, я едва видела Лахири Махасая, сидевшего в глубокой медитации. Похлопывая тебя, я молилась, чтобы великий гуру даровал тебе благословение. Когда моя тихая благоговейная просьба усилилась, он открыл глаза и сделал мне знак приблизиться. Стоявшие впереди расступились, и я склонилась к святым стопам. Лахири Махасая взял тебя на колени, положив руку на твой лоб на манер духовного крещения, и сказал:

– Маленькая мать, твой сын будет йогом. Как духовный двигатель, множество душ направит он в Царство Божие.

От радости, что тайная молитва принята всеведущим гуру, сердце мое сильно билось. Незадолго до твоего рождения он сказал, что ты будешь следовать его путем. Позже, сын мой, когда из соседней комнаты я и твоя сестра Рома смотрели на тебя, больного, неподвижно лежащего в постели, мы, так же как и ты, видели Великий Свет. Личико было озарено, а в голосе звучала твердая решимость, когда ты сказал, что отправишься в Гималаи в поисках Бога.

Таким образом, дорогой сын, я убедилась, что путь твой находится вдали от стремлений мира. Однако самое удивительное событие в моей жизни, явившееся дальнейшим подтверждением написанного, произошло позже, именно оно побуждает меня к этому посланию со смертного одра. Это была беседа с одним мудрецом в Пенджабе. Когда мы жили в Лахоре, однажды утром в мою комнату вошел слуга со словами:

– Госпожа, пришел какой-то странный *садху*^[3].

Эти простые слова тронули меня до глубины души. Сейчас же выйдя поклониться

посетителю и склонившись к его стопам, я почувствовала, что передо мной поистине божий человек.

– Мать, – сказал он, – великие учителя хотят, чтобы ты знала, что твое пребывание на земле будет весьма недолгим, следующая болезнь окажется последней^[4].

Наступило молчание, во время которого я не ощутила никакой тревоги, но лишь вибрацию великого покоя. Наконец он снова обратился ко мне:

– Тебе суждено быть хранительницей некоего серебряного амулета. Я не дам его тебе сегодня; для того, чтобы подтвердить истинность моих слов, он сам собой материализуется в твоих руках завтра во время медитации. На смертном одре ты должна поручить своему старшему сыну Ананте хранить этот амулет в течение года, а затем передать твоему второму сыну. Мукунда узнает его значение от великих учителей. Он должен получить его к тому времени, когда будет готов оставить все мирские упования и начать энергичные искания Бога. Через несколько лет, сослужив свою службу, амулет исчезнет. Если даже его хранить в самом тайном месте, он вернется туда, откуда пришел.

Я предложила святому милостыню^[5] и склонилась перед ним в великом почтении. Не приняв предложенное, он удалился с благословением. На следующий вечер, когда я, сложив руки, сидела в медитации, между моими ладонями материализовался серебряный амулет точно так, как предсказал садху. Он дал знать о себе холодным, гладким прикосновением. Я ревниво хранил его более двух лет, а теперь передаю на хранение Ананте.

Не горюй обо мне, так как я передана моим великим гуру в руки Бесконечного. Прощай, дитя мое, Космическая Мать защитит тебя".

При виде амулета свет озарения сошел на меня, многие дремлющие воспоминания пробудились. Круглый и по-старинному причудливый, он был покрыт санскритскими письменами. Я понял, что он пришел от учителей из прошлых жизней, которые незримо направляли мои стопы. Действительно, в нем был некий отдаленный смысл, однако полную сущность амулета раскрыть невозможно^[6].

Как он в конце концов исчез при глубоко несчастных обстоятельствах и как утрата амулета стала предвестником обретения мною гуру, я расскажу в другой главе.

Но маленький мальчик, которому помешали осуществить попытку достичь Гималаев, ежедневно уносился вдаль на крыльях своего амулета.

---

notes
----

[1]. *Свами* – от санскритского корня сва означает: тот, кто един со своим Я. Применяется к членам индийского ордена монахов. Официально значение этого титула соответствует титулу *преподобный* (см. главу 24).

[2]. Индийский обычай, по которому родители выбирают для своего ребенка спутника жизни, выдержал испытание временем. Индийские браки, глубоко уходящие своими корнями в религиозные представления, являются, по большей части, счастливыми.

[3]. *Садху* – отшельник, анахорет, тот, кто посвятил себя аскезе и духовной практике.

[4]. Эти слова показали, что мать тайно знала о непродолжительности своей жизни. Наконец до меня дошло, почему мать настаивала на ускорении женитьбы Ананты. Хотя она и умерла до свадьбы, ее естественным материнским желанием было участие в брачных церемониях.

[5]. Обычный знак уважения к садху.

[6]. *Амулет* – это предмет, имеющий астральное происхождение. Структурно рассеиваясь, такие объекты в конце концов исчезают с нашей земли (см. главу 43).

Мантры – древние священные заклинания – были написаны на амулете. Возможности звука и человеческого голоса нигде не изучали так глубоко, как в Индии. Вибрация Аум, распространяющаяся по всей вселенной («Слово» или «голос многих вод» из библии), имеет три проявления: творение, хранение и разрушение – *Тайтирья Упанишада* 1.8. Всякий раз, когда человек произносит слово, он приводит в действие одно из этих трех значений Аум. Здесь и кроется причина закона, определенная священными писаниями, по которому человек должен говорить правду.

Мантры, написанные на санскрите, при правильном их произношении, обладают вибрациями духовно благотворных потенций. Идеально сложенный санскритский алфавит состоит из 50 букв, каждая из которых имеет неизменное устойчивое произношение.

Джордж Бернارد Шоу написал мудрый и, конечно, остроумный очерк о фонетической неадекватности английского алфавита, основанного на латыни, в котором 26 букв безуспешно борются за право на звук. С обычной безжалостностью господин Шоу убеждает принять новый алфавит с 43 буквами (см. его предисловие к *Чудесному рождению языка*, Philosophical Library, N.Y.). Такой алфавит приблизительно равнялся бы фонетическому совершенству санскрита, где использование 50 букв исключает неправильное произношение.

Изучение письмен, обнаруженных в долине Инда, привело к тому, что ряд ученых отказался от существующей в настоящее время теории, что Индия «заимствовала» санскритский алфавит из семитских источников. Недавно рядом с Мохенджо-Даро и Хараппой были произведены раскопки нескольких больших индийских городов, предоставляющие доказательства большой культуры, которая «должна была иметь длительную предшествующую историю на почве Индии, унося нас в век, о котором можно лишь смутно догадываться» (Сэр Джон Маршалл, *Мохенджо-Даро и цивилизация Инда*, 1931г.).

Если индуистская теория о весьма глубокой древности существования цивилизованного человека на этой планете верна, то становится возможным объяснить, почему наиболее древний язык в мире – санскрит – является также и наиболее совершенным (см. сноску в гл.10). «Санскрит, – сказал сэр Вильям Джоунз, основатель Азиатского Общества, – какой бы древний он ни был, имеет замечательную структуру: более совершенный, чем греческий, более обширный, чем латынь, и более утонченный, чем тот и другой».

«Со времени возрождения классического обучения, – утверждает Американская

энциклопедия, – в истории культуры не было более важного события, чем открытие санскрита западными учеными во второй половине восемнадцатого века. Лингвистическая наука, сравнительная грамматика, сравнительная мифология, наука о религии... либо обязаны самим своим существованием открытию санскрита, либо его изучение оказало на них глубокое влияние".

Глава 3

Святой с двумя телами (свами Пранабананда)

– Отец, если я пообещаю не убежать, можно мне совершить туристическую поездку в Бенарес?

Отец редко препятствовал моему пристрастию к путешествиям. Еще когда я был мальчиком, он разрешал мне посещать многие города и места паломничества. Обычно меня сопровождали друзья, один или более. Мы путешествовали очень удобно, по билетам первого класса, обеспечиваемым отцом. Его положение железнодорожного служащего вполне удовлетворяло кочевников в семье.

Отец обещал должным образом рассмотреть мою просьбу. На следующий день он подозвал меня и протянул билет до Бенареса и обратно, немного денег и два письма.

– У меня есть деловое предложение к бенаресскому другу Кедару Натху Бабу, – сказал он. – К несчастью, я потерял его адрес. Но, думаю, ты сможешь передать это письмо через нашего общего друга – свами Пранабананду. Свами, мой брат по ученичеству, достиг духовной высоты. Тебе будет полезно его общество; эта вторая записка послужит рекомендацией. – Глаза его блеснули, когда он добавил: – Смотри, больше никогда никаких побегов из дома!

Я отправился в путь с пылом своих двенадцати лет (хотя возраст и позже не мешал испытывать удовольствие от новых картин и незнакомых лиц). Прибыв в Бенарес, я сразу отправился к жилищу свами. Входная дверь была открыта, и я направился к обширной, наподобие зала, комнате на втором этаже. Довольно полный человек, в одной лишь набедренной повязке, сидел на слегка приподнятом помосте в позе лотоса. Его голова и лицо без единой морщинки были чисто выбриты, на губах играла блаженная улыбка. Чтобы рассеять мысль о том, что я ворвался без приглашения, он приветствовал меня как старого друга:

– Баба ананд (будь счастлив, дорогой). Приветствие в его голосе, похожем на детский, прозвучало искренне. Я преклонил колени и коснулся его стоп.

– Вы свами Пранабананда?

– Он кивнул.

– А ты сын Бхагабати? – слова его прозвучали прежде, чем мне удалось достать из своего кармана письмо отца. В изумлении я передал рекомендательную записку, казавшуюся теперь лишней.

– Конечно, я разыщу для тебя местонахождение Кедара Натха Бабу, – вновь поразил меня своим ясновидением святой.

Затем он мельком взглянул на письмо и сделал несколько лестных замечаний в адрес моего отца:

– Ты знаешь, я получаю две пенсии. Одну – благодаря рекомендации твоего отца, у которого я когда-то работал. Другую – благодаря рекомендации моего Отца Небесного, ради Которого я сознательно завершил свои профессиональные обязанности.

Это замечание показалось мне весьма туманным.

– Какого рода пенсию, сэр, вы получаете от Небесного Отца? Он что, бросает деньги к вашим стопам? – Свами засмеялся.

– Я имею в виду пенсию безмерного покоя – награду за много лет глубокой медитации. Теперь я никогда не нуждаюсь в деньгах. Мои малые материальные нужды вполне обеспечены. Позже ты поймешь смысл этой пенсии.

Внезапно прекратив беседу, святой стал величественно неподвижным, окутанным

атмосферой сфинкса. Сначала глаза искрились, как если бы наблюдали нечто интересное, потом потухли. Я был в замешательстве от его немногословия, ведь он еще не сказал, как встретиться с другом отца. С некоторой тревогой я осмотрел пустую комнату, где, кроме нас, никого не было. Мой блуждающий взгляд упал не его деревянные сандалии, лежавшие под скамейкой.

– *Чото Махасая*^[1], не волнуйся. Человек, которого ты ищешь, придет через полчаса. – Йог читал мои мысли – дело не слишком трудное в тот момент!

Он снова впал в молчание. Когда часы показали, что тридцать минут прошли, свами очнулся.

– Я думаю, что Кедар Натх Бабу уже у дверей, – сказал он.

Я услышал, как кто-то поднимался по ступенькам. В полном недоумении в мыслях пронеслось: «Как можно, никого не посылая, вызвать друга моего отца? Свами со времени моего прихода ни с кем ни о чем не разговаривал, кроме меня!»

Молча выйдя из комнаты, я стал спускаться по лестнице, встретив на полпути худого светлого человека среднего роста. Казалось, он торопился.

– Вы Кедар Натх Бабу? – в моем голосе звучало волнение.

– Да. А ты сын Бхагабати, ожидающий здесь встречи со мной? – Он дружески улыбнулся.

– Сэр, каким образом вы пришли сюда? – Я почувствовал замешательство от его необъяснимого присутствия.

"Сегодня все таинственно! Менее часа тому назад, когда я как раз окончил купание в Ганге, ко мне приблизился свами Пранабананда. Не понимаю, как он узнал, что я был там в это время.

– Сын Бхагабати ждет тебя в моем доме, – сказал он. – Пойдем со мной?

Я охотно согласился. Когда мы вместе с ним отправились, свами в своих деревянных сандалиях странным образом сумел меня опередить, хотя на мне были вот эти прочные туфли. Внезапно остановившись, он задал мне вопрос:

– Сколько времени понадобится вам, чтобы добраться до моего дома?

– Около получаса.

– Мне нужно сейчас кое-что сделать, – загадочно взглянув, сказал свами. – Я должен вас опередить. Вы присоединитесь ко мне у меня дома, где сын Бхагабати и я будем вас ждать.

Прежде чем я успел возразить, он быстро промчался мимо меня и исчез в толпе. Как можно скорее я пришел сюда".

Это объяснение только увеличило мое недоумение. Я спросил:

– Давно ли вы знаете свами?

– В прошлом году мы встречались несколько раз, а в этом ни разу. Я был очень рад вновь увидеть его сегодня у *гхата*, где купался.

Не могу поверить своим ушам! Я что, схожу с ума? Он почудился, или вы действительно его видели, касались руки, слышали звук голоса, шагов?

– Не понимаю, к чему ты клонишь! – вспыхнул он. – Я не лгу. Неужели не понятно, что я мог узнать, что ты ждешь меня в этом доме, только от свами?

– Да, но ведь с тех пор, как я сюда пришел около часа тому назад, свами Пранабананда не уходил с моих глаз ни на минуту.

Я рассказал ему все, как было, и повторил свой разговор со свами. Его глаза широко раскрылись.

– Живем мы в этот материальный век или спим? Никогда в жизни я не ожидал стать свидетелем такого чуда! Мне казалось, что этот свами – обычный человек, а теперь оказалось, что он в состоянии материализовать еще одно тело и действовать через него!

Мы вместе вошли в комнату святого. Кедар Натх Бабу показал на туфли под скамейкой:

– Смотри-ка, это те же самые сандалии, что были на нем, когда он внезапно появился у

гхата, – шепнул он. – Кроме того, на нем была лишь набедренная повязка, как сейчас.

Когда гость склонился перед святым, тот повернулся ко мне с хитрой улыбкой:

– Почему ты так этому удивляешься? Тонкое единство нематериального мира не скрыто от истинных йогов. Одновременно я вижу и беседую с учениками в далекой Калькутте. Подобно этому и они способны преодолевать сложности любого важного дела волевым усилием.

Вероятно, стараясь возбудить духовный пыл в юной груди, свами рассказал о своих способностях астрального «радио» и «телевидения»^[2]. Но вместо энтузиазма ощущался лишь благоговейный страх. Поскольку мне было предопределено предпринять искания божественного через определенного гуру – Шри Юктешвара, которого еще не повстречал, я не чувствовал склонности признать Пранабананду своим учителем. Взглянув на него с сомнением, я желал понять, кто передо мной: он или его двойник.

Свами, стараясь развеять беспокойство, устремил на меня пронизательный взгляд и вдохновенно заговорил о своем гуру:

– Лахари Махасая был величайшим йогом из всех, кого я знал. Он был самим Богом во плоти.

Если ученик, подумал я, мог по собственной воле материализовать еще одну физическую форму, какие же чудеса могли быть доступны учителю? И свами поведал мне, сколь бесценна помощь гуру.

"Обычно я и другой ученик медитировали каждую ночь по восемь часов, – начал он, – днем мы работали в управлении железной дороги. Находя трудным продолжать канцелярскую службу, я желал посвятить все время Богу. Восемь лет я ежедневно медитировал по полночи. Успехи были прекрасные, потрясающие духовные откровения озаряли разум. Но между мной и Бесконечным постоянно оставалась небольшая завеса. Казалось, что даже при свержении конечное необратимое единство окажется недоступно. Однажды вечером я пришел к Лахири Махасая и попросил его божественного вмешательства. Мои назойливые просьбы продолжались всю ночь:

– Ангельский гуру, мои духовные страдания заключаются в том, что я не могу больше выносить жизни, не встретив Великого Возлюбленного!

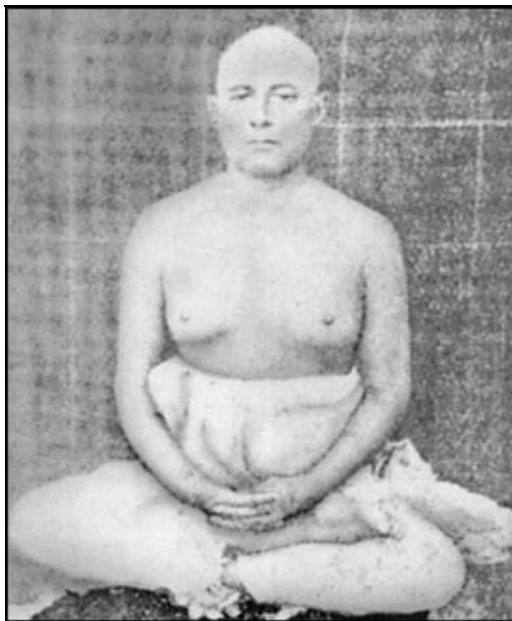
– Что я могу поделать? Тебе необходимо медитировать более глубоко, – ответил он.

– Я взываю к Тебе, мой Господь Бог! Я вижу Тебя материализованным перед собой в физическом теле, благослови меня, чтобы я мог воспринять Тебя в Твоей бесконечной форме!

Лахири Махасая сделал милостивый жест рукой: – Можешь идти и медитировать. Я ходатайствовал за тебя перед Брахмой^[3].

В безмерном душевном подъеме вернулся я домой. В медитации той ночью страстная цель моей жизни была достигнута. Теперь я непрерывно наслаждаюсь этой духовной пенсией. Никогда с того дня Всеблагой Творец не оставался сокрытым от моих глаз какой-либо завесой заблуждения".

Свами Пранабананда.

«Святой с двумя телами».

Просветленный Ученик Лахири Махасая

Лицо Пранабананды было залито божественным светом. Покой иного мира вошел в мое сердце, весь страх рассеялся.

Святой поведал нам еще кое-что:

"Через несколько месяцев я вновь пришел к Лахири Махасая и попытался поблагодарить за бесценный дар. Затем упомянул еще об одном:

– Божественный учитель, я больше не могу работать в конторе. Пожалуйста, освободи меня. Я постоянно опьянен Брахмой.

– Обратись за пенсией к своей компании.

– Какую же мне указать причину столь раннего оформления пенсии?

– Расскажи им о том, что ты чувствуешь.

На следующий день я заявил в компании о желании уйти на пенсию. Доктор попросил обосновать мою преждевременную просьбу. Я сказал, что во время работы чувствую ощущение давления, поднимающееся по позвоночнику^[4]. Пронизывая все тело, оно делает меня непригодным к работе^[5].

Без дальнейших вопросов врач настоятельно рекомендовал уход на пенсию, которую я вскоре получил. Я знаю, что божественная воля Лахири Махасая действовала через доктора и железнодорожных служащих, включая твоего отца. Они автоматически повиновались руководству великого гуру и освободили меня для жизни в неразрывном общении с Возлюбленным".

После необычного откровения свами Пранабананда снова впал в длительное молчание. Когда я уходил, почтительно коснувшись его ног, он дал мне свое благословение:

– Твоя жизнь связана с путем йоги. Я вновь увижу тебя с твоим отцом позже.

С годами эти предсказания сбылись^[6].

Кедар Натх Бабу шел рядом со мной в надвигающихся сумерках. Я передал ему письмо отца, которое он прочитал под уличным фонарем.

– Твой отец предлагает мне занять одну должность в Калькутском управлении его железнодорожной компании. Как приятно предвкушать по крайней мере одну из пенсий, которыми располагает свами Пранабананда! Но это невозможно. Я не могу оставить Бенарес. Увы, два тела пока не для меня!

---

notes
----

[1]. *Чото Махасая* – имя, с которым ко мне обращались многие индийские святые. Оно переводится – маленький сэр, господин.

[2]. Своим собственным путем физическая наука подтверждает истинность законов, открытых йогами через ментальную науку. К примеру, 26 ноября 1934 года в Римском Королевском университете было наглядно продемонстрировано, что человек обладает возможностями телевидения. Доктор Джузеппе Калигари, профессор нейропсихологии, нажимал в течении пятнадцати минут на точку, расположенную в правой стороне грудной клетки тела испытуемого, в результате чего он становился способен подробно описывать лица и объекты, находящиеся в то же время по другую сторону стены. Доктор Калигари заявил коллегам, что если возбуждать другие участки кожи, то испытуемому передадутся сверхчувственные ощущения, позволяющие видеть объекты, которые он не мог бы воспринимать иначе, а также мог бы видеть на любом расстоянии, независимо от того, видел он эти объекты раньше или нет.

[3]. *Брахма* – Бог в аспекте Творца; от санскритского корня *брих* – распространяться. Когда Эмерсон в 1857 году напечатал в *Atlantic Monthly* стихотворение *Брахма*, большинство читателей было в недоумении. Эмерсон усмехался: «Скажите им, чтобы они читали Иегова вместо Брахма, тогда затруднений не будет».

[4]. В глубокой медитации первый опыт духа проявляется на алтаре позвоночника, а затем в головном мозге. Льющееся могучим потоком блаженство поразительно, но йог учится контролировать его направление и внешние проявления.

[5]. Ко времени нашей встречи Пранабананда, несомненно, был озаренным учителем. Но последние дни описанной им деловой жизни имели место на много лет раньше. Пранабананда тогда еще не вполне утвердился в *нирвакальна самадхи* (см. гл. 26 и 43). В этом совершенном и неколебимом состоянии йог не испытывает никаких затруднений в исполнении каких бы то ни было мирских обязанностей.

После ухода в отставку Пранабананда написал *Пранабгиту* – один из глубочайших комментариев к *Бхагавадгите*, доступный на языках бенгали и хинди.

Сила, выражающаяся в способности проявляется сразу в нескольких телах, называется *сиддхи* – сила йоги, о которой упоминал Патанджали в *Йога-сутре* (см гл. 24). Явления биолокации проявлялись в жизни многих святых в прошлые века. В *Истории Терезы Ньюмен* (Bruce Pub. Co.) А.П.Шимберг описывает несколько случаев, когда эта христианская святая появлялась в прежние времена и разговаривала с людьми, находящимися далеко от нее и нуждающимися в ее помощи.

[6]. См. гл. 27.

Глава 4

Неудавшийся побег в Гималаи

– Под каким-нибудь незначительным предлогом выйди из класса и найми экипаж. Остановись в переулке, где никто из моего дома не сможет тебя увидеть, – это были мои последние указания Амару Митеру, товарищу по школе, намеревавшемуся сопровождать меня в Гималаи.

Для побега мы выбрали следующий день. Предосторожности были необходимы, ибо мой брат Ананта бдительным оком следил за мной. Он был полон решимости расстроить планы побега, которые, по его мнению, целиком занимали меня. Амулет, словно духовная закваска внутри меня, оказывал свое действие. Среди Гималайских снегов я надеялся найти учителя, чей лик являлся в видениях.

Наша семья жила теперь в Калькутте, куда перевели отца на постоянную работу. Следуя патриархальному индийскому обычаю, Ананта привел жену в наш дом. Там, в маленькой мансарде, я медитировал каждый день, подготавливая свой разум к поиску божественного.

Памятное утро наступило с дождем, не сулящим ничего хорошего. Заслышав на улице стук колес экипажа, я поспешно завязал в шерстяное одеяло пару сандалий, две набедренные повязки, нитку с молитвенными четками и один экземпляр *Бхагавадгиты*. Сбросив этот узел вниз из своего окна на третьем этаже, я сбежал по ступенькам лестницы и прошел мимо дяди, покупавшего рыбу у двери дома.

– Ты чего так взволнован? – его взгляд подозрительно скользнул по моей персоне.

Я уклончиво улыбнулся и вышел в переулок. Подобрал узел, с осторожностью заговорщика я присоединился к Амару. Путь лежал через торговый центр – Чандни Чоук. Несколько месяцев мы сэкономили деньги, которые нам давали на завтрак в школе, чтобы купить европейскую одежду. Зная, что Ананта легко может сыграть роль детектива, мы думали провести его европейским нарядом.

По пути на станцию мы заехали за моим братом Джотином Гхошем, он был новообращенным и стремился к поиску гуру в Гималаях, я просто называл его Джатинда. Он надел новый костюм, который мы предварительно подготовили, надеясь, что здорово замаскировались. Нами овладело приятное настроение.

– Все, что теперь надо, – это брезентовые туфли. – Я отвел друзей в обувную лавку, выставившую обувь на резиновой подошве, – предметов из кожи, получаемой убийством животных, не должно быть в этом путешествии. Я остановился на улице, чтобы снять кожаный переплет с *Бхагавадгиты* и кожаные ремешки с *солнцезащитного шлема*.

На станции мы купили билеты до Бурдвана, где намеревались пересесть на Хардвар, расположенный у подножия Гималаев. Как только поезд тронулся, я высказал несколько сладких предвкушений.

– Только представьте себе! – воскликнул я, – нас будут обучать учителя, и мы испытаем транс Космического Сознания. Плоть будет заряжена таким магнетизмом, что дикие животные Гималаев, находясь около нас, будут как ручные. Тигры, как смиренные домашние кошки, будут ожидать ласки!

Это замечание, рисующее, как мне казалось, и метафорически, и в буквальном смысле слова чарующую перспективу, вызвало у Амара восторженную улыбку. Однако Джатинда отвел глаза в сторону окна, глядя на убегающий ландшафт.

– Деньги надо разделить на три части, – этим предложением Джатинда прервал долгое

молчание. – Каждый из нас сам купит себе билет в Бурдване. Так никто не догадается, что мы едем вместе.

Я согласился. Поезд остановился в Бурдване, когда уже опустились сумерки. Джатинда пошел в билетную кассу, а мы с Амаром остались на перроне. Подождав пятнадцать минут, мы предприняли несколько тщетных попыток выяснить причину исчезновения Джатинды. Ведя поиски во всех направлениях, в испуге мы настойчиво выкрикивали его имя. Но он исчез во тьме, окружающей маленькую станцию, неизвестно куда.

Пораженный странным оцепенением, я потерял всякое присутствие воли. Как Бог допустил такое обескураживающее событие? Романтические обстоятельства первого, тщательно подготовленного побега в Его поисках были безжалостно испорчены.

– Амар, нам следует вернуться домой, – я плакал, как дитя. – Вероломный побег Джатинды – дурной знак. Это путешествие обречено на неудачу.

– И это любовь к Господу? Ты не можешь выдержать маленького испытания – предательства друга?

От намёка Амара на божественное испытание мое сердце успокоилось. Мы подкрепились знаменитыми бурдванскими засахаренными фруктами ситабхог («пицца богини») и мотичур («самородки» сладкого «жемчуга»). Через несколько часов мы выехали в Хардвар через Барейли. На следующий день, ожидая на перроне поезд во время пересадки в Могхул Сераи, мы обсуждали один важный вопрос:

– Амар, возможно, нас скоро будут расспрашивать служащие железной дороги. Я не могу недооценивать изобретательности брата! Что бы из этого ни получилось, я не могу говорить неправду!

– Все, о чем я прошу, Мукунда, так это сохранять спокойствие. Не смейся и не гримасничай, когда я буду говорить.

В этот момент к нам подошел начальник станции – европеец. Он размахивал телеграммой, смысл которой я сразу понял.

Обращаясь ко мне, он сказал:

– Ты, обиженный, убежал из дому?

– Нет! – Я был рад, что его подбор слов позволял дать уверенный ответ. Ибо я знал, что не обида, а *тоска по божественному* была виной моего необычного поведения.

Тогда начальник обратился к Амару. Последовавшая за этим дуэль остряков едва позволяла мне сохранять рекомендованную стоическую серьезность.

– Где третий мальчик? – он вложил в голос всю весомость своего авторитета. – Быстро говори мне всю правду!

– Сэр, я заметил, вы носите очки. Разве не видно, что нас только двое? – Амар ехидно улыбнулся. – Я не могу наколдовать третьего мальчика.

Чиновник, заметно смущенный этой дерзостью, нашел новое поле для атаки.

– Как твое имя? – Меня зовут Томас. Я – сын англичанки, а мой отец – индеец, исповедующий христианство.

– А как зовут твоего друга?

– Я его зову Томпсон.

Моя внутренняя веселость достигла в это время зенита, и я бесцеремонно направился к поезду, предупредившему свистком об отправлении. Чиновник, сопровождавший Амара, оказался столь доверчивым и услужливым, что поместил нас в европейском купе. Наверное, ему было горько думать, что два мальчика-полуангличанина путешествуют в купе для туземцев. После того как он вежливо удалился, я упал на сиденье и разразился смехом. Амар тоже был рад, что перехитрил опытного европейского чиновника.

На перроне мне удалось прочитать телеграмму. Отправленная Анантой, она гласила: «Три бенгальских мальчика в английской одежде бежали из дома в Хардвар через Могхул Сераи. Задержите их, пожалуйста, до моего прибытия. Достаточное вознаграждение за услуги».

– Амар, я тебе говорил: не оставляй дома расписания с пометками, – я укоризненно посмотрел на него. – Брат, должно быть, нашел его там.

Друг покорно принял этот упрек. Мы ненадолго остановились в Барейли, где Дварка Прасад^[1] ждал нас с телеграммой от Ананты. Мой старый друг доблестно старался нас задержать, но я уверял, что наш побег не был необдуманым. Как и в предыдущем случае, Дварка отказался от моего приглашения отправиться в Гималаи.

Когда наш поезд той ночью стоял на станции, я почти спал, а Амар разбудили расспросы другого чиновника. Он тоже стал жертвой чар «Томаса» и «Томпсона». К рассвету поезд торжественно доставил нас в Хардвар. Величественные горы заманчиво вырисовывались вдали. Мы промчались через вокзал и ощутили свободу лишь в городской толпе. Так как Ананта каким-то образом разгадал нашу маскировку под европейцев, первым делом было переодеться в местные одежды. Меня давило предчувствие провала нашего мероприятия.

Считая целесообразным как можно быстрее оставить Хардвар, мы купили билеты, чтобы не мешкая отправиться на север, в Ришикеш, – землю, давно освященную стопами моих учителей. Я уже сел в поезд, тогда как Амар медленно плелся по перрону. Оклик полицейского заставил его резко остановиться. Непрошенный страж отконвоировал нас в полицейский участок и наложил арест на все деньги. Он любезно объяснил, что его долг – задержать нас до прибытия Ананты.

Узнав, что целью беглецов были Гималаи, полицейский рассказал нам одну удивительную историю:

"Я вижу, вы сильно увлечены святыми! Вы никогда не встретите более замечательного божьего человека, чем тот, которого я видел вчера. Мой брат, тоже полицейский, и я впервые встретились с ним пять дней назад. Патрулируя город в районе Ганга, мы пытались выследить одного убийцу, которого приказано было схватить во что бы то ни стало живым или мертвым. Известно было, что для того, чтобы грабить паломников, он маскировался под садху. Невдалеке мы заметили человека, внешне походившего на описание преступника. Он проигнорировал команду остановиться, и мы бросились к нему, чтобы схватить силой. Подойдя сзади, я с большой силой ударил его палашем по руке. Правая рука была почти совсем отрублена. Не вскрикнув и даже не бросив взгляд на жуткую рану, незнакомец, к нашему изумлению, быстро шел вперед. Когда мы догнали его, зайдя спереди, он спокойно сказал:

– Я не убийца, которого вы ищете.

Я был потрясен тем, что ранил божьего человека. Упав к его стопам, я умолял о прощении и предлагал свой тюрбан, чтобы остановить бьющую фонтаном кровь. Святой, доброжелательно взглянув на меня, сказал:

– Дитя, твою ошибку можно понять, иди и не укоряй себя. Возлюбленная Мать позаботится обо мне.

Он приложил болтающуюся руку к отрубленному месту, и – о, чудо! – она необъяснимым образом прикрепилась, а кровь перестала хлестать.

– Приходи ко мне через три дня вон под то дерево и увидишь, что я буду полностью исцелен. Тогда ты не будешь мучиться угрызениями совести.

Вчера мы с братом, горя от нетерпения, отправились к означенному месту. Садху был там и позволил осмотреть руку. На ней не было ни шрама, ни другого следа от раны! Он сказал:

– Я отправляюсь через Ришикеш в уединенные места в Гималаях.

Затем он, благословив нас, удалился. Я чувствовал, что моя жизнь возвысилась его святостью".

Свой рассказ полицейский закончил благочестивым возгласом. Этот случай явно подвинул его далеко за пределы обычных для него глубин. Выразительным жестом он протянул вырезку из газеты, в которой, по обыкновению прессы, в искаженном, сенсационном виде, увы, не обошедшем стороной даже Индию, говорилось о чуде. Версия репортера была явно преувеличена, он говорил, что садху был почти обезглавлен!

Мы с Амаром пожалели, что не повстречали великого йога, способного простить, подобно Христу, своего истязателя. Индия, бедная материально в течении последних двух столетий, обладает, тем не менее, неисчерпаемым религиозным богатством. Духовные «небоскребы» могут встретиться даже обычным людям вроде этого служащего.

Мы поблагодарили полицейского, рассеявшего нашу печаль удивительным рассказом. Он, верно, считал себя гораздо удачливее нас, встретив озаренного святого без всяких усилий. Искание же нашего сердца закончилось, но не у стоп учителя, а в грубом полицейском участке!

– Так близко от Гималаев и вместе с тем пока в плену, меня вдвойне тянет на свободу. Давай ускользнем, когда представится случай. Мы можем пешком дойти до священного Ришикеша, – сказал я Амару, подбадривающе улыбаясь.

Но как только у нас отобрали верную денежную поддержку, мой спутник стал пессимистом:

– Если мы отправимся в поход через опаснейшие джунгли, то окажемся не в городе святых, а в желудке тигров!

Ананта и брат Амара прибыли через три дня. Амар встретил своего брата с радостным облегчением. Я был непреклонен, Ананта не добился ничего, кроме сурового укора.

– Я понимаю тебя, – утешающе сказал брат. – Прошу лишь, сопроводи меня до Бенареса, чтобы встретиться с одним святым, и съезди на несколько дней в Калькутту навестить опечаленного отца. Затем можешь возобновить поиски своего учителя.

В этот момент в беседу вступил Амар, чтобы отказаться от всякого намерения еще раз вернуться со мной в Хардвар. Он наслаждался семейным теплом. Но я знал, что никогда не оставлю поисков учителя.

Наша группа села в поезд на Бенарес, где я получил необычный немедленный ответ на мои молитвы.

Ананта заранее подготовил ловкий план. Прежде чем увидеться со мной в Хардваре, он остановился в Бенаресе, чтобы попросить одного авторитетного специалиста по Священным Писаниям побеседовать со мной позже. Этот пандид, а также его сын обещали отговорить меня от пути *саньясина*^[2].

Ананта привел меня к ним домой. Сын, запальчивый молодой человек, приветствовал меня во дворе. Он занял меня длинными философскими рассуждениями, и заявил, что будучи ясновидцем, он знает мое будущее, в связи с чем не одобряет мою идею стать монахом.

– Тебе постоянно будут сопутствовать неудачи, ты будешь не в состоянии найти Бога, если станешь настаивать на уходе от обычных обязанностей. Ты не сможешь перебороть карму^[3] без получения мирского опыта.

В ответ на уста мне явились бессмертные слова Кришны: «Даже если тот, у кого самая худшая карма, неустанно сосредотачивается на Мне, он быстро освободится от последствий прошлых дурных действий. Становясь праведной душой, он скоро достигнет вечного спокойствия. Будь уверен: тот, кто Мне предан с полным доверием, никогда не умрет»^[4].

Тем не менее предсказания молодого человека несколько поколебали мою уверенность. Со всем пылом своего сердца я тихо молился Богу:

«Пожалуйста, разреши замешательство и ответь мне здесь и сейчас, желаешь ли Ты, чтобы я вел жизнь отречения или мирского человека».

В то же время я заметил садху с благородными чертами, стоящего за оградой дома пандида. Видимо, он нечаянно услышал духовную беседу между мной и мнимым ясновидящим, ибо странник подозвал меня. Я ощутил великую силу, исходящую из его спокойных глаз.

– Сын, не слушай этого невежду. В ответ на молитву Господь сказал, чтобы я заверил тебя, что твой единственный путь в этой жизни – путь отречения.

С удивлением и признательностью услышав это, я счастливо улыбнулся.

– Отойди от этого человека! – сказал мне со двора «невежда».

Мой святой советчик поднял руку в благословении и медленно удалился.

– Этот садху такой же ненормальный, как и ты.

Это восхитительное замечание сделал убежденный седидами пандид. Он и его сын мрачно смотрели на меня.

– Я слышал, он тоже оставил дом в бездумных поисках найти Бога.

Я стою позади моего старшего брата Ананты

Я повернулся к Ананте и заявил, что более не намерен вступать в дальнейшие дискуссии с нашими хозяевами. Обескураженный брат согласился на немедленный отъезд. Вскоре мы сели на поезд до Калькутты.

– Мистер Детектив, как вы открыли, что я бежал с двумя помощниками? – живо любопытствовал я во время поездки домой. Ананта озорно улыбнулся:

"В твоей школе я узнал, что Амар вышел из класса и не вернулся. На следующее утро у него дома я нашел расписание поездов с пометками. Отец Амара, как раз собираясь уезжать в экипаже, жаловался кучеру:

– Мой сын не едет со мной сегодня утром в школу. Он исчез!

– Я слышал от брата, что ваш сын с двумя другими одетыми в европейскую одежду сел в поезд на железнодорожной станции Ховра, – ответил тот. – Они подарили ему свои кожаные туфли.

Таким образом, у меня было три ключа: расписание, трио мальчиков и европейская одежда".

Я внимал откровениям Ананты со смешанным чувством веселья и досады. Наша щедрость к извозчику была слегка неуместной!

"Конечно, я срочно дал телеграммы начальникам станций во все города, помеченные в расписании, – продолжал брат. – Амар отметил Барейли, и я отправил телеграмму твоему другу Дварке. Расспросив соседей, я узнал, что двоюродный брат Джатинда отсутствовал одну ночь, а на следующее утро вернулся в европейской одежде. Разыскав его, я пригласил на обед. Совершенно обескураженный дружескими манерами, он согласился. По пути я неожиданно завел его в полицейский участок. Его окружили несколько полицейских, подобранных заранее из-за свирепого вида. Под их грозными взглядами Джатинда согласился объяснить свое таинственное поведение:

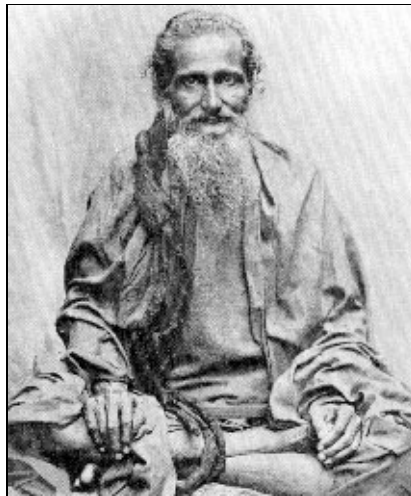
– Я отправился в Гималаи в радостном расположении духа. Перспектива встречи с учителем исполняла меня вдохновением. Но когда Мукунда сказал, что при наших экстатических состояниях в гималайских пещерах тигры будут зачарованы настолько, что усядутся вокруг нас, как домашние кошечки, моя кровь застыла в жилах, капли ледяного пота проступили на лбу. – А что если, – подумал я, – ужасная натура тигров не изменится силой нашего духовного транса, встретят ли они нас с благожелательностью домашних кошек?" Умственным взором я уже видел себя невольным обитателем желудка какого-нибудь тигра, входящим туда не сразу всем телом, а частями!"

Мой гнев по поводу исчезновения Джатинды растворился в смехе. Веселое объяснение в поезде искупило все страдания, причиненные им мне. Я должен признаться в возникновении чувства некоторого удовлетворения: Джатинда тоже не избежал встречи с полицией!

– Ананта^[5], ты рожден быть ищейкой! – Моя веселость окрасилась легким раздражением. – А Джатинде я скажу, что рад, что им двигало не предательство, но, как оказалось лишь благоразумный инстинкт самосохранения.

Дома, в Калькутте, отец трогательно просил меня обуздать бродячие стопы, по крайней мере, до окончания средней школы. В мое отсутствие он с любовью вынашивал замысел, договорившись со святым пандидом свами Кебаланандой, чтобы тот регулярно заходил к нам домой.

Этот мудрец будет твоим репетитором по санскриту, – уверенно заявил родитель.

Мой святой учитель санскрита Свами Кебалананда

Отец надеялся удовлетворить мою духовную жажду наставлениями ученого философа. Но он был разбит своим же собственным оружием: новый учитель, далекий от интеллектуального выхолащивания живой сути предмета, раздувал во мне тлеющие угольки жажды Бога. Отец не

знал, что Свами Кебалананда был восторженным учеником Лахири Махасая. Несравненный гуру имел тысячи учеников, безмолвно влекомых к нему его неодолимым божественным магнетизмом. Позже я узнал, что Лахири Махасая часто характеризовал Кебалананду как *риши*, или озаренного мудреца^[6].

Роскошные вьющиеся волосы обрамляли красивое лицо моего репетитора. Его темные глаза были простодушны и по-детски ясны. Все движения нежного тела были отмечены спокойной неторопливостью. Всегда ласковый и любящий, он прочно утвердился в Бесконечном Сознании. Многие часы, проведенные вместе, прошли в глубокой крия медитации.

Кебалананда был известным авторитетом в древних *шастрах*, или священных книгах: его эрудиция снискала ему имя *Шаштри Махасая*, с которым к нему обычно обращались. Но мой прогресс в изучении санскрита не был заметен. Я искал любого удобного случая, чтобы забросить прозаическую грамматику и поговорить о йоге и Лахири Махасая. Репетитор однажды сделал мне подарок, рассказав кое-что из собственной жизни с учителем:

"Я был на редкость счастлив, у меня была возможность в течение десяти лет оставаться близ Лахари Махасая. Его бенаресский дом был целью еженощного паломничества. Гуру всегда находился в маленькой передней гостиной на первом этаже. Когда он сидел в позе лотоса на деревянном стуле без спинки, ученики полукругом окружали его. Глаза его веселились и искрились в божественной радости^[7]. Они всегда были полузакрытыми, всматривающимися через внутреннее всевидящее око в сферы вечного блаженства. Он редко говорил пространно. Изредка взгляд его фокусировался на ученике, нуждающемся в помощи, исцеляющие слова лились тогда подобно потоку света.

Непередаваемое чувство покоя возникало от одного лишь взгляда учителя, меня наполнял его аромат, лившийся как из лотоса бесконечности. Быть с ним, даже не обменявшись ни одним словом, было счастьем, преобразовывавшим все мое существо. Если на пути сосредоточения возникал какой-либо незримый барьер, я, бывало, медитировал у ног гуру. Там легко схватывались самые тонкие состояния. Такие прозрения ускользали в присутствии других, меньших учителей. Лахири Махасая был живым храмом Бога, чьи тайные врата открывались всем преданным ученикам.

Учитель не был педантичным толкователем Писаний, без усилий заглядывая в «божественную библиотеку». Слова и мысли мощной струей били из фонтана всеведения, у него был чудесный ключ, открывавший глубокое философское учение, скрытое много веков назад в *Ведах*^[8]. Если его просили разъяснить различные планы сознания, упоминаемые в древних текстах, он соглашался улыбаясь: «Я пройду эти состояния и спустя немного времени расскажу вам, что чувствую». Таким образом, он был диаметрально противоположен учителям, заучивавшим на память Священные Писания, а затем провозглашавшим непрочувствованные абстракции.

«Пожалуйста, понимайте святые строфы по мере того, как их смысл приходит к тебе, – молчаливый гуру часто давал такое указание сидящему близко ученику. – Я буду направлять твой ум так, чтобы понимание было вернее». – Таким образом, многие осознания, воспринимаемые при помощи Лахири Махасая, оказались записанными разными учениками с обширными комментариями.

Учитель никогда не советовал верить рабски. «Слова – это только шелуха, – говорил он, – обретайте уверенность в божьем присутствии через собственный радостный контакт в медитации». Какова бы ни была проблема у ученика, гуру советовал для ее разрешения *крия-йогу*: "Йоговский ключ не утратит эффективности и тогда, когда я более не буду присутствовать в теле, чтобы направлять вас. Эта техника не может быть спрятана в переплет книги, отложена и забыта, подобно теоретическим идеям. Неустанно следуйте своим путем к освобождению через

крива, чья сила кроется в практике".

Я сам считаю *крию* самым эффективным средством спасения собственными усилиями из когда-либо использовавшихся в человеческих поисках Бесконечного. Благодаря ее применению всемогущий Бог, скрытый во всех людях, зримо воплотился в теле Лахири Махасая и его учениках".

Хриstopодобное чудо, совершенное Лахири Махасая, произошло в присутствии Кебалананды. Мой святой репетитор рассказал однажды эту историю, и мысли его были далеко от лежавших перед нами на столе санскритских текстов.

"Один слепой ученик, по имени Раму, вызывал у меня большое сострадание. Неужели ему не видеть света, когда он так преданно служит учителю, в котором в полную силу светилось божество? Однажды утром я хотел поговорить с Раму, но он терпеливо сидел часами, обмахивая гуру *панкха*^[9]. Когда почитатель учителя наконец вышел из комнаты, я последовал за ним.

– Раму, давно ли ты слеп? – спросил я.

– Я слеп от рождения, сэр! Глаза мои никогда не имели счастья видеть хотя бы проблеска солнца.

– Наш всемогущий гуру может помочь тебе. Пожалуйста, попроси его.

На следующий день Раму неуверенно приблизился к Лахири Махасая. Ученик почти стыдился просьбы, касающейся того, чтобы к его духовному сверхбогатству приблизилось богатство физическое.

– Учитель, в вас Озаритель Космоса. Молю ввести Его свет в мои глаза, чтобы я различил меньший свет солнца.

– Раму, кто-то потворствовал тому, чтобы поставить меня в неловкое положение, – ответил учитель. – Я не обладаю способностью исцелять.

Раму настаивал:

– Сэр, Бесконечный Единый в вас несомненно может исцелять.

– Это другое дело, Раму. Для Бога нет границ! Тот, Кто зажигает звезды и клетки плоти таинственной лучезарностью жизни, конечно, может ввести в твои глаза блеск света. – учитель коснулся лба Раму в точке между бровями^[10]. – Удерживай свой разум сосредоточенным и в течении семи дней часто распевай имя пророка Рамы^[11]. Для тебя особо засияет заря солнечного великолепия.

О чудо! Через неделю так и случилось. Впервые Раму увидел прекрасный лик природы. Всеведущий Единый безошибочно направил ученика, наказав повторять имя Рамы, любимого им более всех других святых. Вера в Раму была почвой, вспаханной благочестием, в которой могучее семя учителя пустило росток, – семя неизменного исцеления".

Кебалананда на мгновение умолк, затем воздал дань почитания учителю:

"Во всех чудесах, совершенных Лахири Махасая, было очевидно, что он никогда не позволял *эго-принципу*^[12] считать себя причинной силой. Путем совершенной самоотдачи во власть *первичной целящей силы* учитель давал Ей возможность свободно течь через него.

Многочисленные тела, удивительно исцеленные благодаря Лахири Махасая, в конечном счете должны были стать пищей для огня кремации. Но его непреходящими чудесами являются безмолвные духовные пробуждения и формирование Хриstopодобных учеников".

Я так никогда и не стал санскритологом. Свами Кебалананда научил меня грамматике более божественной.

[1]. Упоминается в гл.2

[2]. *Саньясин* – буквально – *самоотреченный*; от санскритского глагольного корня – отвергать.

[3]. *Карма* – следствие прошлых действий в этой или какой-либо предшествующей жизни; от санскритского глагола *кри* – делать.

[4]. *Бхагавадгита* 9.30-31.

[5]. Я всегда обращался к нему Ананта-да; *да* – суффикс уважения, получаемый в индийской семье старшим братом от младших братьев и сестер.

[6]. В то время Кебалананда еще не присоединился к Ордену Свами и его звали Шастри Махасая. Однако, чтобы избежать путаницы с именами Лахири Махасая, Бхадури Махасая (глава 7) и учитель Махасая (глава 9), я упоминаю репетитора по санскриту под его более поздним монашеским именем – свами Кебалананда. Его биография недавно опубликована на бенгали. Он родился в Кхулне, штат Бенгалия, в 1863г. Кебалананда оставил тело в Бенаресе в возрасте шестидесяти восьми лет. Его имя в семье было Ашуттош Чаттерджи.

Махасая – исполненный уважения религиозный титул, означающий «великий возвратитель». (*Маха* – великий, *сая* – обращенный внутрь, идущий к покою).

[7]. Поскольку истинная природа Бога – блаженство, поклоняющийся, приведенный в созвучие с Ним, испытывает исконную беспредельную радость.

[8]. К настоящему времени сохранилось более ста канонических книг, входивших в четыре древние *Веды*. В своем *Журнале* Эмерсон отдал должное ведической мысли: «Это – величественно, как теплая ночь в безмолвном океане. Там содержится все религиозное чувство, вся великая этика, которая по очереди посещает каждый благородный ум... Бесплезно откладывать книгу; если я верю себе в лесу или в лодке на пруду, природа делает из меня теперь брахмана: вечная необходимость, вечная компенсация, неизмеримая сила, ненарушаемое безмолвие... Это ее вероучение. Мир, говорит она мне, и чистота, и абсолютное отречение – эти панацеи искупают весь грех и приводят вас к блаженству Восьми Богов».

[9]. *Панкха* – опахало, сделанное из пальмового листа.

[10]. Местонахождение «единого», или духовного, глаза. При наступлении смерти сознание человека обычно привлекается к этому святому месту, чем объясняется поворот глаз вверх у мертвых.

[11]. *Рама* – центральная священная фигура санскритского эпоса *Рамаяна*.

[12]. Эго-принцип – *ахамкара* (буквально – я делаю) – является основной причиной дуализма или кажущегося разделения между человеком и его Творцом. *Ахамкара* приводит человеческое существо под власть *майи* (космической иллюзии), вследствие которой субъект (эго) ложно выступает как объект, это приводит к тому, что творения воображают себя творцом (См. сноски в гл.5 и 30, а также текст в гл. 30).

«Не свершаю я действий» – пусть йогин,
суть познав, так всегда помышляет -
обоняя, дыша, ощущая,
испражняясь, ходя, засыпая.
Говоря иль хватая рукою,
видя, слыша, глазами моргая,
он во всех этих действиях видит

лишь вращение чувств в предметах...
Тот, кто видит, что действия, *Партха*,
совершает лишь *пракрिति* всюду,
и кто *Атман* лишь в недеянье
созерцает, – тот истинно видит...
Пребывая всей твари владыкой,
нерожденным, нетленным, вечным,
Я внутри Мне подвластной природы
своей майей Себя рождаю...
Состоит ведь из гун моя *майя*:
одолеть ее, дивную, трудно;
но кто ищет Меня всей душою,
тот ее позади оставляет.

Бхагавадгита, соответственно: 5, 8-9; 13, 29; 4, 6; 7, 14.

Глава 5

«Благоухающий святой» показывает чудеса

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом»^[1].

Эта мудрость Соломона меня не утешила; везде я искал предназначенного гуру. Но пока я не окончил школу, наши пути не пересеклись.

Два года прошли со дня нашего с Амаром побега в Гималаи, приблизив великий день, когда появился Шри Юктешвар. За это время я встречал многих мудрецов: «Благоухающего святого», свами Тигра, Наджендру Нат Бхадури, учителя Махасая и известного бенгальского ученого Джагдиша Чандра Боса.

К моей встрече с «Благоухающим святым» было два «предисловия»: одно – гармоничное, а другое – комическое.

– Бог прост. Все иное – сложно. Не ищи абсолютных ценностей в относительном мире природы – эти философские высказывания тихо проникали в ухо, когда я молча стоял в храме перед изображением Кали. Обернувшись, я оказался лицом к лицу с высоким человеком, чье одеяние, вернее его отсутствие, выдавало в нем странствующего садху.

– Воистину, вы проникли в путаницу моих мыслей, – приветливо улыбнулся я. – Смешение милостивого и ужасающего аспектов в природе, символизируемое Кали, ставило в тупик более мудрые головы, чем моя!

– Не многие разгадали Ее тайну! Добро и зло – это загадка, бросающая вызов, которую жизнь, подобно сфинксу, ставит перед всеми умами. Никак не пытаюсь разгадать ее, многие платят своей жизнью – точно так же, как это было и во времена Фив. Но вот то там, то тут возвышается одинокая фигура, отказывающаяся сдаваться перед этой загадкой. У майи^[2] – двойственности – он отбирает цельную истину единства.

– Вы говорите убедительно, сэр.

– Я долго практиковал честный самоанализ – остро болезненный способ постижения истины. Исследование себя, неослабное наблюдение за собственными мыслями – это сильный и разрушающий опыт. Он в порошок дробит самое стойкое эго. Но истинный самоанализ, творя провидцев, действует математически. Метод «выражения» себя, признания другими создает в результате эгоцентристов, уверенных в праве на личные толкования Бога и вселенной.

– Истина смиренно удаляется перед такой высокомерной оригинальностью. – Беседа доставляла мне удовольствие. Садху продолжал: – Человек не сможет понять вечных истин, пока не освободится от претензий. Человеческий ум, открытый для многовековой грязи, изобилует омерзительным скопищем несчастных мирских заблуждений. Бои на полях сражений бледнеют, ибо ничтожны в сравнении внутренними врагами! Их не победить никакой сверхсилой! Вездесущий, неугомный, вечно за чем-то гонящийся человек даже во сне искусно оснащен вредным оружием. Эти солдаты невежественных вождельний стремятся убить всех нас – безрассуден человек, зарывающий в землю идеалы, предаваясь уделу большинства. Не кажется ли он немощным, тупым, бесчестным?

– Уважаемый сэр, у вас нет никакого сострадания к сбитым с толку народным массам?

Мудрец на мгновение смолк, затем уклончиво ответил:

– Любить одновременно и незримого Бога – вместителище всех добродетелей, и зримого человека, явно не обладающего ничем, – часто затруднительно. Но искусность равносильна лабиринту. Внутреннее исследование быстро раскрывает единство всех умов – прочное сродство эгоистических побуждений. По крайней мере, в одном этом отношении обнаруживается

братство человечества. Ошеломляющее смирение сопровождает это уравнивающее открытие. Оно вызревает в сострадание к братьям, слепых относительно целительных потенциалов души, ожидающей исследования.

– Святые всех веков чувствовали, подобно вам, горести мира.

– Только мелкий человек теряет ответственность за несчастья других, замкнувшись в собственном узком страдании, – суровое лицо садху заметно смягчилось. – Тот, кто практикует рассеечение себя скальпелем, узнает расширение вселенского сострадания. Ему даруется освобождение от оглушающих требований эго. Любовь Господа расцветает на такой почве. Создание в конце концов обращается к своему Творцу, если и не по иной причине, то хотя бы для того, чтобы вопреки с болью: «Почему, Господи, почему?» Через боль, под позорными ударами хлыста человек, наконец, приходит к Бесконечному Присутствию, чья красота только и должна привлекать его.

Мудрец и я находились в калькутском храме Калигхат, куда я пришел взглянуть на его прославленное великолепие. Широким жестом мой случайный собеседник как бы разрушил его:

– Кирпичи и известковый раствор ни о чем не говорят, сердце открывается лишь в ответ на человеческую песнь бытия.

Мы брели к манящему сиянием солнцу у входа, где группами расхаживали почитатели Господа.

– Ты молод, – мудрец задумчиво оглядел меня. – Индия тоже молода. Древние риши [3] создали нетленные образы духовной жизни. Их древние изречения созвучны нашему времени и этой стране. Не устаревшие и неуязвимые перед ухищрениями материализма, дисциплинирующие наставления все еще хранят Индию. Приходившие в замешательство в течение тысячелетий, ученые могут дерзнуть вычислить: скептическое Время подтвердило ценность Вед! Возьми это в наследство.

Когда я почтительно попрощался с красноречивым садху, он проявил себя ясновидцем:

– Сегодня, после ухода отсюда, ты столкнешься с необычным опытом.

Покинув окрестности храма и бесцельно бредя, завернув за угол, я наткнулся на старого знакомого, одного из тех братьев, чья способность поговорить пренебрегает всякими понятиями о времени и объемлет вечность.

– Я тебя быстро отпущу, – сказал он, – если ты мне расскажешь все, что случилось за годы нашей разлуки.

– Вот парадокс! А я должен тебя сейчас оставить.

Но он вцепился в меня руками, стараясь выдавить новости. В голове пролетела забавная мысль, что он напоминает голодного волка: чем больше я рассказываю, тем более жадно он вынюхивает новости. Про себя я молил богиню Кали изобрести приличный способ исчезнуть.

Мой собеседник внезапно ушел. Я вздохнул с облегчением и прибавил шагу, опасаясь рецидива лихорадки говорливости. Услышав сзади нагоняющие меня шаги, я пошел еще быстрее, не смея оглянуться. Но юноша одним прыжком настиг меня, обняв за плечи.

– Я забыл сказать тебе о Гандха Баба («Благоухающем святом»), достаивающем своим присутствием вон тот дом. Познакомься с ним, он интересен. Ты можешь столкнуться с необычным явлением. Прощай. Указав на жилище в нескольких метрах от нас, он действительно оставил меня.

В уме мелькнуло предсказание садху в храме Калигхат, выраженное почти теми же словами. Явно заинтригованный, я направился к дому, где был введен в просторную гостиную. На толстом ковре оранжевого цвета по-восточному сидело много людей. До моих ушей донесся благоговейный шепот:

– Вот на леопардовой шкуре Гандха Баба. Он может наделить все не обладающее никаким

запахом естественным ароматом любого цветка, оживить увядающий цветок или заставить кожу человека издавать восхитительный аромат.

Я посмотрел прямо на святого, его быстрый взгляд остановился на мне. Он был полный, бородатый, со смуглой кожей и большими светлыми глазами.

– Сын мой, я рад тебя видеть. Скажи, чего ты хочешь. Тебе, наверное, нравится какой-нибудь запах?

– Для чего? – Его замечание показалось мне несколько наивным.

– Чтобы испытать чудесное наслаждение благоуханиями.

– Заставляя Бога творить запахи?

– Что из того? Бог создает благоухания так или иначе.

– Да, но лепит хрупкие флаконы лепестков для употребления, когда они свежи, а когда увянут – их выбрасывают. Вы можете материализовать цветы?

– Да. Но обычно я вызываю благоухания, мой маленький друг.

– Фабрики духов разоряться.

– Я позволю им заниматься своим ремеслом! Моей целью является демонстрация силы Бога.

– Сэр, разве нужно доказывать Бога? Разве не делает Он чудеса всегда и везде?

– Да, но мы тоже должны проявлять некоторые из Его бесконечно разнообразных творческих замыслов.

– Сколько времени вам потребовалось, чтобы овладеть этим искусством?

– Двенадцать лет.

– На изготовление духов астральными средствами? Мне кажется, мой почтенный святой, вы потратили дюжину лет на ароматы, которые можно за несколько рупий приобрести в цветочном магазине.

– Ароматы увядают с цветами.

– Ароматы увядают со смертью. Почему я должен желать то, что нравится только телу?

– Мистер философ, ты мне нравишься. Ну-ка вытяни правую руку. – Он сделал жест благословения.

Я был в нескольких футах от Гандха Баба, никого другого не было настолько близко, чтобы соприкоснуться со мной. Я протянул руку, до которой йог даже не дотронулся.

– Какого запаха тебе хочется?

– Розы.

– Да будет так. К моему великому удивлению, от центра моей ладони сильно запахло чарующим ароматом розы.

Через минуту я взял из стоящей вблизи вазы большой белый цветок без запаха.

– Можно этот не пахнувший цветок пропитать запахом жасмина?

– Да будет так.

От лепестков мгновенно повеяло ароматом жасмина. Я поблагодарил чудотворца и сел рядом с одним из его учеников. Он сообщил мне, что Гандха Баба, настоящее имя которого было Вишудхананда, научился многим изумительным йоговским секретам у одного учителя в Тибете. Тибетский йог, уверял он меня, достиг возраста свыше тысячи лет.

– Его ученик, Гандха Баба, не всегда совершает ароматные чудеса таким простым, буквальным образом, как ты сейчас видел, – ученик говорил с явной гордостью за учителя. – Его методика весьма разнообразна в соответствии с разницей темпераментов. Он удивителен! Среди его последователей имеется много интеллигенции живущей в Калькутте.

Я решил не присоединяться к их числу. Гуру, «удивительный» слишком буквально, был мне не по вкусу. Вежливо поблагодарив Гандха Баба, я удалился, шагая в направлении дома и

раздумывая о трех разных неожиданных встречах этого дня.

В дверях нашего дома меня встретила Ума:

– Ты становишься довольно элегантным, пользуясь духами!

Не говоря ни слова, я предложил ей понюхать мою руку.

– Какой приятный аромат розы! Он необычно силен!

Подумав, что он «сильно необычен», я тихо поднес к ее носу астрально пахнущий цветок.

– О, я люблю запах жасмина! – Она взяла цветок. Забавное недоумение отразилось на ее лице, потянув несколько раз носом, она ощутила запах жасмина от такого цветка, который вообще не должен его иметь. Ее реакция рассеяла мои сомнения в том, что Гандха Баба, возможно, вызывал состояние внушения, вследствие чего один я мог ощущать запахи.

Позже я слышал от одного друга, Алакананды, что «Благоухающий святой» иногда демонстрировал одно достижение; мне бы хотелось, чтобы миллионы людей, умирающих от голода обладали им. "Я был в доме у Гандха Баба в Бурдване с сотней других гостей, – рассказывал он мне. – Был праздник. Поскольку этого йога считали способным к материализации предметов просто из воздуха, я в шутку попросил его произвести несколько мандаринов, сезон которых уже прошел. Сейчас же *лючи*^[4], лежавшие на банановых листьях, стали вздуваться. В каждом хлебце оказалось по очищенному мандарину. С некоторой тревогой я надкусил свой мандарин, но нашел его восхитительным".

Спустя годы я пришел к пониманию, как совершал Гандха Баба материализации. Метод этот, увы, вне сферы достижения голодных мирских масс.

Различные раздражители, на которые у человека реагирует осязание, зрение, вкус, слух и обоняние, производятся благодаря преобразованиям вибраций атомов. Они же, в свою очередь, регулируются *праной – жизнетронами*, тонкими жизненными силами, более тонкими, чем атомные, разумно заряженными пятью характерными чувствительными идейными субстанциями.

Гандха Баба, приводя себя в соответствие с пранической силой, благодаря некоторой йоговской технике, был в состоянии управлять *жизнетронами*, перестраивая их вибраторную структуру для получения желаемого результата. Производимые им ароматы, фрукты и прочие чудеса фактически были материализациями земных вибраций, а не гипнотически вызванными внутренними ощущениями.

Гипноз применяется врачами при некоторых хирургических вмешательствах как психический хлороформ для тех, кому анестезия может повредить. Но гипнотическое состояние вредно при частом применении, его результатом является отрицательный эффект – разрушение со временем психики. Гипноз – это нарушение границ, посягательство на территорию сознания другого^[5]. Его временные достижения не имеют ничего общего с чудесами, совершаемыми людьми божественного сознания. Бодрствующие в Боге подлинные святые производят изменения в этом призрачном мире посредством воли, гармонично согласованной с Творческим Космическим Мечтателем^[6].

Делать чудеса – такие, как показывал «Благоухающий святой», – эффективно, но духовно бесполезно. Добиться незначительной цели ради развлечений – это отклонения от серьезных поисков Бога.

Показное хвастовство необычными силами открыто осуждается учителями. Персидский мистик Абу Саид однажды высмеял некоторых *факиров*^[7], кичившихся чудесными воздействиями на воду, воздух и пространство: «Лягушка в воде находится в своем доме! – с легкой насмешкой сказал Абу Саид. – Вороны и грифы легко летают в воздухе, дьявол одновременно пребывает на Востоке и на Западе! Настоящий человек – тот, кто живет в праведности среди собратьев, кто покупает и продает, но тем не менее никогда ни на один миг

не забывает о Боге!»^[8]

В другом случае великий персидский учитель так изложил взгляды на религиозную жизнь: «Выбросьте из головы все эгоистичные желания и амбиции и даруйте свободно то, что в руках, и никогда не отступайте от ударов напастей!»

Ни беспристрастный мудрец в храме Калигхат, ни обученный в Тибете йог не удовлетворили моего стремления найти гуру. Сердце мое не нуждалось в наставнике, требующем признания и возгласов «браво!». Когда я, наконец, повстречал учителя, он научил меня измерять настоящего человека только величиим примера.

---

notes
----

[1]. *Екклесиаст* 3.1

[2]. *Майя* – космическая иллюзия, буквально – измеритель. *Майя* – это магическая сила творения, благодаря которой ограничения и разделения кажутся присутствующими в неизмеримом и неделимом.

[3]. *Риши* – буквально – пророки, провидцы; в бесконечно глубокой древности были авторами *Вед*.

[4]. *Лючи* – плоский круглый индийский хлеб.

[5]. Изучение сознания западными психологами чаще всего ограничивается исследованием подсознания и душевными болезнями, лечением которых занимается психиатрия и психология. Имеется незначительное количество исследований происхождения и формирования основных нормальных психических состояний и их эмоциональных и волевых выражений – истинно основной предмет, не игнорируемый в индийской философии. В системах *санкхья* и *йога* даются точные классификации различных связей, в нормальных умственных модификациях и характерных функций *буддхи* (тонкий интеллект), *ахамкары* (принцип эго) и *манаса* (ум, или сознание ощущений).

[6]. Вселенная представлена в каждой из ее частичек. Все произведено из одного сокровитного материала. Мир вмещается в капле росы... Истинная доктрина вездесущности заключается в том, что Бог проявлен целиком и во мхе, и в паутине – Эмерсон в *Компенсации*.

[7]. *Факир* – мусульманский аскет.

[8]. «Покупать и продавать, но никогда не забывать Бога!» Идеал состоит в том, что рука и сердце действуют в гармоничном единстве. Некоторые писатели на Западе говорят, что цель индусов – робко *устраниться* от жизни, от общества, быть бездеятельными. Однако четырехкратный ведический план жизни человека хорошо сбалансирован для большинства с посвящением первой половины периода – обучению и домашним обязанностям, второй половины – практике созерцаний и медитаций (см. сноску в гл. 27).

Чтобы укрепиться в истинном Я, необходимо уединение, но затем учителя возвращаются в мир, чтобы служить ему. Даже те святые, которые не заняты никакой внешней работой, все равно через ум вносят святые вибрации – более драгоценный вклад в мир, чем может дать самая энергичная деятельность непосвященного человека. Великие, каждый по-своему, часто наталкиваясь на горькое сопротивление, самоотверженно стараются вдохновить и поднять собратьев. Ни один религиозный или общественный идеал индуса не бывает просто отрицательным. *Ахимса* – ненанесение вреда – называется *сакало дхармой* (совершенная добродетель), в *Махабхарате* оно является положительным предписанием, так как эта концепция заключена в том, что тот, кто не помогает другим, так или иначе вредит им.

Бхагавадгита 3.4-8 указывает, что деятельность неотделима от самой природы человека. Лениность – это просто «неправильная деятельность».

Человек, отвергающий действия,
никогда не придет к недеянию:
ведь сама по себе отрешенность
к совершенству его не приводит.
Три природой рожденные *гуны*
понуждают всех тварей к деяниям.
Потому – человек ни мгновенья

в недеянье пребыть не сможет...
Совершай неизбежное действие,
оно лучше бездействия, *Партха*:
ведь и тело твое погибнет,
коль от действий ты отресишься.

Глава 6

Свами Тигр

– Я узнал адрес свами *Тигра*. Давай навестим его завтра.

Это приятное предложение исходило от Чанди, одного из школьных друзей. У меня было горячее желание встретиться со святым, который до принятия монашества ловил тигров и сражался с ними голыми руками. Я испытывал сильный мальчишеский восторг перед такими замечательными подвигами.

Утро следующего дня было по-зимнему холодным, но мы с Чанди весело отправились в путь. После долгих тщетных поисков в Бхованипуре, расположенном за Калькуттой, мы пришли к нужному дому. На двери было два металлических звонка, в которые я пронзительно позвонил. Несмотря на шум, слуга приблизился неторопливой походкой. Его ироническая улыбка намекала на то, что шумные посетители бессильны нарушить покой дома святого.

Ощувив молчаливый упрек, мы с товарищем выразили большую признательность за приглашение в гостиную. Наше долгое ожидание там вызвало опасения. Неписанный закон Индии для искателя истины – терпение; учитель мог намеренно испытывать искренность порыва встречи с ним. Это психологическое правило широко применяется на Западе докторами и зубными врачами!

Наконец слуга позвал нас, и мы вошли в спальню. Знаменитый свами Сохонг^[1] сидел на помосте. Вид его огромного тела подействовал на нас странным образом. Мы стояли с вытаращенными глазами, не говоря ни слова. Никогда ранее нам не приходилось видеть такой грудной клетки и таких бицепсов, походивших на футбольный мяч. Свирепое, но спокойное лицо свами украшали борода и усы, на необъятной шее лежали ниспадающие волосы. В темных глазах было что-то одновременно и от голубя, и от тигра. Он был раздет, если не считать тигровой шкуры, обвивающей его мускулистую талию.

Обретя дар речи, я и Чанди приветствовали монаха, выразив восхищение его отвагой на необычной арене семейства кошачьих.

– Не расскажете ли вы нам, как можно голыми руками одолеть самого лютого зверя джунглей – бенгальского тигра?

– Дети мои, мне ничего не стоит драться с тиграми. Если нужно, я могу сделать это хоть сегодня, – он по детски улыбнулся. – Вы считаете тигров тиграми, а для меня они домашние кошечки.

– Свамиджи, я думаю, что мог бы внушить своему подсознанию мысль, что тигры – это домашние кошечки, но разве можно заставить поверить в это тигра?

– Разумеется, сила тоже необходима. Нельзя ожидать победы от младенца, вообразившего, что тигр – это домашняя кошечка! Мое надежное оружие – это могучие руки!

Мы проследовали за ним во внутренний дворик, где он ударил по краю стены. Один кирпич с грохотом свалился на пол. Через зияющее пространство выбитого зуба стены четко проглядывало небо. Я был потрясен. «Тот, кто мог одним ударом выбить скрепленный известковым раствором кирпич из прочной стеной кладки, – подумал я, – конечно, способен выбить тигру зубы!»

– Многие обладают такой же силой, но им не хватает хладнокровия. Крепкие телом, но не духом, падают в обморок от одного лишь вида дикого зверя, разгуливающего свободно в джунглях. Тигр по свирепости в своей естественной среде значительно отличается от накормленных опиумом цирковых животных. Такой же силой Геракла обладали многие, тем не

менее при нападении бенгальского тигра от страха впадали в жалкое, беспомощное состояние. Воздействуя таким образом, тигр делает людей столь же бессильными, как домашних кошечек. Но человек, обладающий достаточно сильным телом и бесконечно сильной волей, может поменяться с тигром ролями и заставить его почувствовать себя беспомощным, как домашняя кошечка. Как часто именно так я и делал!

Я был почти готов поверить, что этот титан передо мной был в состоянии осуществить метаморфозу: тигр – кошечка. Казалось, он был настроен говорить. Чанди и я почтительно слушали.

– Разум – властелин мышц. Сила удара молота зависит от прилагаемой энергии. Мощь, проявляемая в теле человека, зависит от его настойчивой воли и мужества. Тело буквально создается и поддерживается разумом. Вследствие давления инстинктов из прошлых жизней сила или слабость просачиваются в человеческое сознание. Они выражаются в привычках, которые, в свою очередь, проявляются в теле как желательное или нежелательное состояние. Внешняя брэнность имеет умственное происхождение. В порочном круге тело, связанное привычками, расстраивает разум. Если хозяин позволяет командовать собой слуге, то слуга становится хозяином. Аналогичным образом поработается разум, подчиняясь диктатуре тела.

По нашей просьбе удивительный свами согласился рассказать кое-что о своей жизни:

– Предметом моих ранних желаний было сражаться с тиграми. Воля у меня была могучая, но тело хилое.

У меня вырвался возглас удивления. Казалось невероятным, чтобы этому человеку с плечами Атланта когда-либо была знакома слабость.

– Это благодаря постоянной стабильности мыслей о здоровье и силе я превозмог немощь. Я имею все основания превозносить непреодолимую силу разума, являющегося, как я убедился, подлинным покорителем и бенгальских тигров.

– Считаете ли вы, почтенный свами, что и я мог бы когда-нибудь сражаться с тиграми? – Это был единственный раз, когда причудливое честолюбие посетило меня.

– Да, – улыбнулся он. – Но тигры бывают разные, некоторые из них бродят в джунглях человеческих страстей. Оттого, что колотят бессознательных зверей, нет никакой духовной пользы. Побеждать лучше зверей внутренних.

– Не расскажите ли вы нам, сэр, как из укротителя диких тигров вы превратились в укротителя дикий страстей?

Свами Тигр впал в молчание, взгляд стал отсутствующим, вызывая видения прошлых лет. Я заметил некоторую внутреннюю борьбу в нем: решиться ли удовлетворить мою просьбу? Наконец он улыбнулся в молчаливой покорности.

"Когда моя слава достигла зенита, она вызывала опьянение гордыней. Я решил не только сражаться с тиграми, но и демонстрировать их в разных трюках. Честолюбие желало заставлять диких зверей вести себя подобно домашним. Я стал вершить подвиги публично с доставляющим удовольствие успехом.

Однажды вечером ко мне в комнату в задумчивости вошел отец и сказал:

– Сын, я должен предостеречь тебя. Мне хотелось бы спасти тебя от будущих несчастий, производимых жерновами причин и следствий.

– Отец, разве ты фаталист? Следует ли позволять ослаблять стремительный поток моей деятельности из-за предрассудков?

– Я не фаталист, сынок, – ответил отец. – Но я верю в беспристрастный закон возмездия, как тому учат Священные Писания. В семье джунглей зреет против тебя обида. Когда-нибудь тебе придется поплатиться за это.

– Отец, ты меня удивляешь! Ты хорошо знаешь, что тигры – красивые, но безжалостные

животные! Кто знает, может быть, мои удары вбивают некоторое здравомыслие в их тупые головы? Я – директор лесной воспитательной школы, обучающей обитателей хорошим манерам! Отец, пожалуйста, считай меня укротителем тигров, но ни в коем случае не убийцей. Как мои добрые дела могут навлечь беду? Прошу, не пользуйся своей властью, чтобы изменить мою жизнь".

Чанди и я были все внимание, понимая эту дилемму прошлого. В Индии детям нелегко послушаться воли родителей. Свами Тигр продолжал:

"В стоическом молчании отец выслушал мое объяснение. Затем последовало откровение, произнесенное мрачным тоном:

– Сын, ты вынуждаешь передать злое предостережение одного святого, приходившего ко мне вчера, когда я был в медитации. Он сказал: «Дорогой друг, я пришел с вестью для твоего воинственного сына. Пусть прекратит дикую деятельность, иначе его следующая встреча с тигром закончится тяжкими ранами и смертельной слабостью в течение шести месяцев. Тогда уж он непременно откажется от прежних привычек и станет монахом».

Рассказ этот не произвел на меня впечатления. Я считал, что отец стал доверчивой жертвой заблуждения фанатика".

Свами Тигр сделал это признание с жестом нетерпения, как если бы это была какая-то глупость. Наступило долгое жуткое молчание, казалось, что он забыл о нашем присутствии. Внезапно приглушенным голосом он вновь принялся за прерванную нить рассказа:

"Немного спустя после отцовского предостережения я посетил столицу Куч Бихара. Живописный край был для меня новым, и я ожидал успокоительной перемены. Как и повсюду, по улицам меня сопровождали группы любопытных жителей города, от которых доносились обрывки шепота: «Это тот самый человек, который сражается с дикими тиграми». «У него ноги или стволы деревьев?». «Взгляни на его лицо! Он, должно быть, воплощение самого царя тигров!».

Вы знаете, что деревенские ребята действуют подобно последнему выпуску газет. С какой скоростью понеслись затем от дома к дому сводки устного телеграфа женщин! За несколько часов моего присутствия весь город пришел в состояние возбуждения.

Вечером, спокойно отдыхая, я вдруг услышал цокот копыт скачущих галопом коней. Они остановились прямо перед моим жильем. Вошли несколько высоких полицейских с тюрбанами на головах. Я был ошеломлен. «Для этих ставленников человеческого закона все возможно, – подумал я. – Интересно, не собираются ли они дать мне нагоняй за дела, о которых я не имею никакого представления?» Однако полицейские поклонились с необычайной почтительностью:

– Уважаемый сэръ, нас послали приветствовать вас от имени раджи Куч Бихара. Он рад пригласить вас к себе во дворец завтра утром.

На некоторое время я задумался над этой перспективой. Оттого, что мое спокойное путешествие таким образом прервалось, по какой-то непонятной причине возникло ощущение острого сожаления. Однако вежливая манера полисмена меня тронула, и я согласился.

На другой день я был смущен помпезным эскортом от самых дверей. Мне подали великолепную карету, запряженную четверкой коней, слуга держал надо мной богато украшенный зонт, защищающий от палящего солнца. Я наслаждался приятной поездкой по городу и лесистым окрестностям. Царский отпрыск сам вышел к воротам дворца для приветствия. Предложив собственное обитое золотой парчой кресло, он сел в кресло попроще.

"Вся эта любезность определенно во что-нибудь обойдется:, – думал я с возрастающим удивлением. Однако побуждение раджи скоро выяснилось:

– Мой город наполнен слухами, что вы можете сражаться с дикими тиграми одними лишь голыми руками. Это верно?

– Совершенно верно.

– Я едва могу этому поверить! Вы – бенгалец из Калькутты, воспитанный в городе на белом рисе. Пожалуйста, будьте откровенны – не дрались ли вы с мягкотелыми, утомленными опиумом животными? – говорил он громко, с сарказмом и легким провинциальным акцентом. Я не удостоил ответом этот оскорбительный вопрос. Раджа продолжал: – Я предлагаю вам сразиться с моим недавно пойманным тигром Раджой Бегумом^[2]. Если вы сможете успешно устоять против него, связать его цепью и оставить клетку в полном сознании, этот бенгальский тигр – ваш! Наградой будут также несколько тысяч рупий и многие другие дары. Если же вы откажетесь встретиться с ним в поединке, я по всему государству объявлю вас обманщиком!

Словно пулей поразила меня его оскорбительная речь. В гневе я был вынужден согласиться. Приподнявшись в возбуждении с кресла, раджа вновь опустился в него с садистской ухмылкой. Мне вспомнились римские императоры, услаждавшие себя зрелищами, выпуская последователей христиан на арену со зверями.

– Поединок состоится через неделю, – сказал он. – Я сожалею, что до него не могу вам позволить посмотреть на тигра.

Не знаю, боялся ли раджа, что я попытаюсь загипнотизировать зверя или тайно накормить его опиумом. Покидая дворец, я про себя с иронией отметил, что царского зонта и кареты теперь недостает.

Всю неделю я методично готовил ум и тело к предстоящему тяжкому испытанию. От слуги я узнал о фантастических выдумках. Страшное предсказание святого отцу каким-то образом распространялось везде. Многие простые сельские жители верили, что проклятый богами злой дух вновь воплотился тигром, принимая по ночам разные дьявольские обличья, а днем становился полосатым зверем. Полагали, что этот демон-тигр послан для того, чтобы меня покарать. Другая версия заключалась в том, что молитвы зверей Небесному Тигру получили ответ в образе Раджи Бегума. Он должен был стать орудием моего наказания – двуногого смельчака, так оскорбляющего весь род тигров! Человек без шкуры, без клыков, осмеливающийся бросить вызов вооруженному когтистыми лапами тигру со стальными мышцами. Сила сконцентрированного возмущения всех униженных тигров, говорили сельские жители, выросла до такой степени, что способна привести в действие скрытые законы и сразить гордого укротителя.

Далее слуга сказал, что раджа по собственной инициативе стал менеджером схватки между человеком и зверем. Он наблюдал за возведением павильона, способного выдержать штурм и рассчитанного на тысячи людей. В его центре в огромной железной клетке, для безопасности окруженной наружной камерой, был Раджа Бегум. Пленник то и дело раздражался ревом, леденящим кровь. Его скудно кормили, чтобы возбудить дикий аппетит. Возможно, раджа надеялся, что я стану вознаграждающей пищей!

В ответ на бой барабанов, возвещавших об уникальном состязании, гигантский поток горожан и жителей пригородов энергично устремился покупать билеты. В день битвы тысячам людей из-за недостатка мест в билетах было отказано. Многие прорвались через отверстия в навесе и заполнили пространство под галереями".

Мое возбуждение от рассказа свами Тигра с приближением кульминации возрастало. Чанди также был нем от восхищения.

"Я спокойно появился под пронзительный рев Раджи Бегума и несвязный говор охваченных ужасом зрителей, – продолжал свами Тигр. – На мне не было никакой одежды, кроме той, что скудно обвивала талию. Я открыл засов на двери камеры и спокойно закрыл ее за собой. Тигр почуял кровь. С оглушительным грохотом бросаясь на прутья, он испустил дикий рев приветствия. Публика стихла в жалостливом страхе, я казался робким ягненком перед яростным

зверем. В один миг я оказался внутри клетки, но когда закрывал ее, Раджа Бегум стремительно набросился на меня. Правая рука была безнадежно разодрана. Кровь человека, лучшее лакомство из известных тигру, лилась ужасным потоком. Пророчество святого, казалось, вот-вот сбудется.

Я мгновенно оправился от шока первого самого серьезного ранения из всех, которые когда-либо получал. Заткнув окровавленные пальцы за одеяние на талии и тем самым освободив себя от их вида, я взмахнул левой рукой и нанес удар, способный раздробить кости. Зверь отлетел назад, завертевшись в задней части клетки, и конвульсивно прыгнул вперед. Мое знаменитое кулачное наказание обрушилось на его голову. Но вкус крови действовал на Раджу Бегума, подобно первому возбуждающему глотку вина на долго воздерживавшегося алкоголика. С оглушающим ревом зверь напал на меня с возросшей яростью. Защита лишь одной рукой была недостаточной и делала меня досягаемым для когтей и клыков. Но я награждал его ошеломляющим воздаянием. Клетка была крошечным адом. Кровь брызгала во все стороны, из глотки зверя вырывался рев боли и ярости – мы бились насмерть.

«Застрелите тигра! Убейте его!» – раздавались возгласы среди зрителей. – Человек и зверь двигались так быстро, что страж промахнулся. Я собрал всю силу воли, дико вскрикнул и нанес последний сокрушающий удар. Тигр рухнул на землю и затих".

– Как домашняя кошечка! – вставил я.

Свами от души рассмеялся, затем продолжил захватывающий рассказ:

"Наконец Раджа Бегум был побежден. Кроме того, была унижена его царская гордость: своими искалеченными руками я дерзко разжал его челюсти. На один драматический момент я задержал свою голову в зияющем капкане смерти. Затем, оглядев клетку в поисках цепи, я сорвал ее с дверей, привязал тигра за шею к прутьям клетки и с триумфом вышел.

Но это дьявольское отродье, Раджа Бегум, обладал запасом жизненных сил, достойным предполагаемого демонического происхождения. Невероятным рывком он разорвал цепь и вскочил мне на спину. Ощувив острую боль в плече, оказавшемся в челюстях тигра, я рухнул на пол, но вмиг подмял его под себя. Под безжалостными ударами вероломный зверь впал в полубессознательное состояние. На этот раз закрепив его более тщательно, я медленно покинул клетку.

Я был ошеломлен вновь, на этот раз от восторга. Приветственный рев зрителей как бы вырывался из единой гигантской груди. Насмерть израненный, я тем не менее выполнил три условия битвы: сразился с тигром, связал его цепью и покинул клетку, не требуя себе никакой помощи. В придачу я так здорово побил агрессивного зверя, что он согласился взглянуть сквозь пальцы на подходящую награду – мою голову в его пасти!

После того, как раны были вылечены, я был удостоен почестей и украшен венком. Тысячи золотых монет сыпались к моим ногам, весь город праздновал. Со всех сторон слышались бесконечные обсуждения победы над одним из самых больших и свирепых тигров, которых когда-либо приходилось видеть. Раджа Бегум, как было обещано, был подарен мне, но я не ощущал восторга. В сердце произошла духовная перемена. Казалось, что с последним выходом из клетки я также закрыл и дверь к мирскому честолюбию. Настал скорбный период. Шесть месяцев я лежал от заражения крови. Как только оказалось возможным покинуть Куч Бихар, я вернулся в родной город.

– Я знаю теперь, что мой учитель – тот, кто дал мудрое предостережение, – смиренно признался я отцу. – О, если бы я мог найти его.

Мое стремление было искренним, ибо однажды он явился без предупреждения.

– Достаточно укрощать тигров, – сказал святой со спокойной уверенностью, – идем со мной, я буду учить тебя покорять зверей невежества, бродящих в джунглях человеческого разума. Ты привык к публике. Пусть ею будет плеяда ангелов, развлекаемых твоим захватывающим

мастерством в йоге!

Я был наставлен на духовный путь своим святым гуру. Он открыл врата моей души, заржавевшие и не поддающиеся от долгого неупотребления. Рука об руку мы отправились в Гималаи для моего обучения".

Чанди и я, признательные за описание могущественной жизни, склонились у ног свами. Так мы с другом были щедро вознаграждены за долгое испытание ожиданием в холодной гостинной!

Конец ознакомительного отрывка книги

[Купить книгу](#)